

Антинаучная фантастика

СЕРГЕЙ
ШКЕНЁВ

Кот
ШРЕДИНГЕРА

Антинаучная фантастика

Сергей Шкенёв

Кот Шрёдингера

«Махров»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шкенёв С. Н.

Кот Шрёдингера / С. Н. Шкенёв — «Махров»,
2016 — (Антинаучная фантастика)

В недалёком будущем жил-был кот. Как и все коты, Василий любил вкусно поесть, сладко поспать, интересно пообщаться с соплеменниками в интернете. А ещё этот кот позволял своему домашнему человеку академику Ивану Фёдоровичу Шрёдингеру проводить над собой лабораторные опыты. Чего не сделаешь ради торжества науки? Ведь люди такие беспомощные без котов! А с котами и великие открытия вовремя сделают, и к далёким звёздам полетят, и нападение инопланетных чудовищ отобьют. Правда, полностью перекладывать на людей все проблемы нельзя, так что многое приходится решать самому. А куда деваться? Коты в ответе за тех, кого их цивилизация приручила пять тысяч лет назад. Трепещите, инопланетные злодеи! Генерал-воевода Василий Шрёдингер выходит в космос! Несёт мир и добро во Вселенную – добрым словом и мощным бластером.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шкенёв С. Н., 2016
© Махров, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава первая,	9
Глава вторая, в которой говорится о пользе полётов и вреде интернет-сообществ	14
Глава третья, в которой кот Шрёдингера обзаводится связями на самом высшем уровне	19
Глава четвёртая, в которой рассказывается о вреде французской кухни	24
Глава пятая, повествующая о нелёгком труде провинциальных стражей правопорядка	30
Глава шестая, рассказывающая о предстартовой суете и особенностях лунных предприятий общественного питания	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Шкенёв

Кот Шрёдингера

© Шкенёв С., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Третья планета системы альфы Песца. 7 января 2098 года

Раз... два... три... Работаем! То есть Мя-я-я-у!

Первый неприятель, издав далеко похожий на десятиногого пауко-скорпиона с лазерной пушкой вместо жала, нелепо взмахнул конечностями и полетел в пропасть. Неужели за полтора километра падения не сможет отрастить крылья? Нет, не смог... лох и лузер! Остальные, а их там не меньше тридцати штук, шарахнулись от края обрыва, чтобы тут же попасть под удар установленных академиком «монок». Эх, красота-то какая, мама-кошка!

Древние мины направленного действия, случайно найденные в трюме корабля среди прочего экспедиционного барахла, замечательно поражают неприятеля, закрытого силовой броней. Насколько знаю, она рассчитана на противодействие современному оружию, а против «монок» не пляшут. Это теоретически может защитить, а на практике броня подохнет после пары близких подрывов. На пяти метрах – вообще без перспектив.

Плохо, что пульт управления зарядами не приспособлен под кошачью лапу и приходится использовать увеличенную виртуальную клавиатуру. Сильно отвлекает от наблюдений. Эх вы, люди... столько лет искали братьев по разуму и ни разу не посмотрели себе под ноги. Самовлюблённые болваны, не допускающие мысли о разумности кошачьего племени. Пять тысячелетий слепоты, идиотизма и эгоизма. А мне ваши ошибки расхлёбывать.

Ой, мама-кошка! Заряд из плазмомёта проплавил внушительный кратер в нескольких метрах над моей головой. Капли расплавленного камня брызнули во все стороны, и как-то подозрительно запахло палёной шерстью. Собаки... обнаружили укрытие, или просто со страху лупят в белый свет, как псу под хвост? Да в любом случае пора менять позицию. Наша сила не в грубом натиске, а в быстроте и неожиданности манёвра. Удивил, значит победил! Так говорил великий знаток и любитель кошек Александр Васильевич Суворов, одержавший большинство побед благодаря подсмотренной у питомцев тактике. Так утверждают уважаемые коты из Исторического музея, и у меня нет причин им не доверять.

Следующий заряд спалил чахлый кустик справа, и я решил не затягивать со сменой позиции. Но сначала небольшой сюрприз!

Вам когда-нибудь приходилось видеть летающего кота? А кота-истребителя? Если не приходилось, то смотрите сейчас!

Я прыгнул с утёса, и ветер в ушах запел победную песню. Люблю стартовать вот так, чтобы встречные потоки били в морду и пытались забраться глубже в глотку через распахнутую в восторженном вопле пасть. Взлетать с места не интересно, да и пока наберёшь скорость...

Как это называет академик, отдавший истребительной авиации лучшие годы жизни? Ну, когда разгоняешься в крутом пикировании, а потом резко взмываешь вверх над целью? Забыл, да и неважно уже – под прицельным огнём тридцати монстров не до лингвистических изысков.

Теперь резко вниз, в самую толпу железных инопланетных болванов. А не хотите ли лафиту, господа кракозябры? Попробуйте в меня попасть!

Зараза... они ещё и клешнями щёлкают. А если... ой... Смываемся!

Успел! Успел смыться до того, как рвануло боезапас у поражённых «дружеским огнём» пауко-скорпионов. Меня перевернуло в воздухе догнавшей ударной волной, но в кувырке я успел разглядеть восхитительно опустевшую скальную площадку. Почти пустое место там, где только что была целая толпа неприятельских псевдоразумных механизмов. Да и пёс с ними!

А наши как там, ещё держатся? Всё же противостоять одним батальоном целой армии вторжения – не самое лёгкое и не самое приятное занятие. Иван Фёдорович, дорогой мой человек, кот Шрёдингера спешит на помощь! То есть это я спешу!

Да, обязательно приду на выручку, но только чуть-чуть попозже. Судя по безостановочной работе станковых дезинтеграторов, у академика всё в порядке, и инопланетяне скорее болонку под хвост поцелуют, чем вернут захваченную у них же базу. Без поддержки с воздуха замучаются пыль глотать, а их авиация ещё вчера благополучно сторела вместе с подорванными ангарами и рубкой управления междумировым переходом.

Эх, вот бы поймать настоящего кукловода, управляющего заполненными биомассой болванами... Генерал-майор Дюваль обещал за него отдать годовое жалованье всего батальона. Да, это совсем немного, согласен... Но как говорится в старинной человеческой поговорке: «десять старушек по гривеннику – голому под рубашку, коли рожа крива!»

Но я красавчик, мне лучше деньгами!

Москва. Кремль. 7 января 2098 года

Президент Земной Федерации устало прикрыл воспалённые от хронического недосыпа глаза. В докладе министра обороны опять нет никаких известий от экспедиции генерал-лейтенанта Шрёдингера, и в ближайшем будущем таковые не предвидятся. Даже с внепространственного передатчика сигнал приходит оттуда за три дня, и надеяться на благополучный исход после полученного и расшифрованного инфопакета не стоит. Следует признать, что полёт к третьей планете системы альфы Песца закончился неудачей. Да, попытка вступить в контакт с внеземной цивилизацией привела к гибели «Горгоны Медузы» вместе с экипажем, научным составом и отдельным отрядом космических десантников генерал-майора Жерара Семёновича Дюваля. Плюс кот. Здоровенный рыжий кот с умными глазами и повадками разведчика-нелегала. Кота тоже жалко. Люди были готовы пожертвовать собой ради торжества науки и славы Земной Федерации, а этот... Да, кота жалко.

Последнюю фразу президент повторил вслух и открыл глаза. Сидевший напротив министр обороны пожал плечами:

– Обычный кот, каких в каждой подворотне по три десятка на квадратный метр. Я, Владимир Владимирович, больше о людях беспокоюсь. У академика, например, две несовершеннолетние дочери. Да и у остальных...

– А это, Сергей Кужугетович, ваша прямая обязанность – проследить за тем, чтобы семьи участников экспедиции не оказались позабыты и брошены на произвол судьбы. Пенсии само собой, высшее образование за счёт государства, зачисление в армию вне конкурса и тому подобное. Ну, не вас учить.

– Всё сделаем, Владимир Владимирович, – министр обороны коротко кивнул и задал уточняющий вопрос: – Оформляем как погибших при исполнении служебных обязанностей или как во время боевых действий?

Президент надолго задумался. Вздохнул тяжело и предложил:

– Давайте запишем их пропавшими без вести. На льготы такая формулировка не повлияет?

– Никак нет.

– Вот и замечательно. Пока никто не видел участников экспедиции мёртвыми, для нас они будут оставаться живыми. До подтверждения обратного.

– То есть не живые, но и не мёртвые? Как кот Шрёдингера?

– Шрёдингер, между прочим, там есть! И кот есть! Иван Фёдорович, кстати, тому самому родственником не приходится?

– Однофамилец, Владимир Владимирович.

– Тем более.

– В каком смысле?

– Да в любом, Сергей Кужугетович.

– Понял.

– А если поняли, – президент поднялся из-за стола, – то идите и готовьте военно-космический флот к походу. Как раб на галерах работайте! Мы обязаны научить этих чёртовых инопланетян правильно щи варить! А за кота они ответят отдельно.

Часть 1

Глава первая, в которой мы знакомимся с героем и имеем возможность порадоваться его новым способностям

Море – моя первая и единственная любовь. Нет, конечно же, были и другие увлечения, но чтобы сразу и на всю жизнь... Соплеменники, кстати, подобные чувства не разделяют и категорически не одобряют. Отсталые они. Как есть отсталые.

А ведь что может быть прекраснее моря? Когда шаловливая волна с шуршанием набегает на галечный пляж, а потом нехотя убегает, чтобы тут же уступить место своей подруге и сопернице. Когда солнечные зайчики отражаются от воды, скрывающей в сине-зелёной глубине невероятное количество вкусностей. Когда лёгкий ветерок приносит горьковатый запах крымских степей, смешивающийся со сладким дымом от мангалов на набережной. Старик Хемингуэй знал в этом толк, и, перефразируя мудрого человека, можно заявить с гордостью: «Море – это праздник, который всегда с тобой!»

Соплеменники же глупы. Маска, добровольно надетая много тысяч лет назад, прироста намертво и стала истинной мордой. То есть лицом, я хотел сказать. Лишь единицам удаётся сохранить данный природой разум, и тогда благодарное человечество пишет о них книги, посвящает стихи, сочиняет поэмы, песни и сказки. Да вы их наверняка помните поимённо. Не людей, разумеется, а героев.

Однако что-то я отвлекся. О чём мы говорили? О море? Да, о нём самом... Ну так вот, продолжим.

В первый раз я его увидел, будучи полутора или двух месяцев от роду. Точнее не помню, да и не столь это важно, чтобы забивать голову ненужными датами. Приехали мы тогда всей семьёй – я, потом Иван Фёдорович Шрёдингер с женой Мартой Прокофьевной, их дочери Лаура и Луиза, семи и девяти лет соответственно, да тупейший, как и вся собачья порода, французский бульдог по кличке Нильс Бор. Противнейшая, скажу вам, скотина, и когда через пару дней он вывалился за борт нашей яхты, почти никто не пожалел о его бесславной гибели. Во всяком случае, мы с Иваном Фёдоровичем даже порадовались. Как говорится: «Собака с вазу – у дарёного коня зубы крепче!»

Да, совсем забыл рассказать про яхту. Может быть, кому-то в конце двадцать первого века и покажется дикостью путешествие на деревянном судне под парусами, но красавица «Горгона Медуза» составляла семейную гордость Шрёдингеров, и на насмешки завистников они не реагировали. Пусть завидуют – никаких карбопластиков или молекулярно-упорядоченных материалов... всё исключительно натуральное, вроде благородного дуба с межволоконным керамоармированием по старинным технологиям. Экологичность – это наше всё!

Что ещё важнее – яхта куплена на полученную за научные труды Ленинскую премию. Ну да, академик Иван Фёдорович Шрёдингер стал первым её лауреатом после возрождения престижной награды. Правда, злые языки тут же всё опошлили, связав торжество исторической справедливости с празднованием восемнадцатого по счёту срока президента Земной Федерации, но это тоже от зависти. Физики все такие, почти как собаки. Иногда даже хуже их. Сколько живу, столько и убеждаюсь в правильности своего мнения. Только Шрёдингер хороший, да и то пока не начинает проводить опыты. Угадаете, на ком?

Вот и сейчас лежу на нагретой солнцем палубе весь опутанный проводами. Ладно ещё шерсть не выбривает, чтобы прилепить электроды прямо к голой коже. То ли для чистоты

эксперимента этого не требуется, то ли на самом деле учёные хорошо поддаются дрессировке. Скорее второе, так как тапкотерапия всесильна, а при правильном подходе к обуви вообще способна творить чудеса!

– Васенька, дружище, ещё две попытки, – бормочет Иван Фёдорович, твёрдо уверенный, что коты должны стойко переносить тяготы и лишениядвигающегося прогресса.

Да пусть двигается, жалко, что ли. Тем более для образованного кота ничего не стоит покопаться в блоке питания или чуть-чуть подправить управляющую всем этим железом программу. Я сделал и то и другое. Не люблю электричество с детства! Это бешеной собаке сто ампер не ток, а мне неприятности не нужны.

Академик изучает возможность использования солнечной радиации для увеличения мощности антигравитационных генераторов в полевых условиях. И зачем ему это? Всех и старые устраивают, а он... Неужели хочет ещё одну премию получить? Пусть делится, жмот.

А щиплет-то как... шкура ведь не казённая. Что он творит, собака? Не трогай усилитель, там банка сметаны заначена! Уронил... и усилитель, и сметану!

– Мяу!

Бабах!

Ой, искры. Горю? Собака, я же горю! Пипец твоим тапкам, академик! И холодильник мне на разграбление! На три дня!

Дальнейшие события случились как-то одновременно – запомнились расцарапанная рожа Ивана Фёдоровича, огнетушитель в его руках, гадостный запах палёной шерсти, пронзительные вопли чаек где-то далеко внизу, выпученные глаза пассажира автоматического фляертакси, просвистевшего буквально в паре метров...

Зальют с утра бельма валерьянкой и летают, не соблюдая правил воздушного движения! Стоп, как это летают? А я? Ой, мяу... Люди, положите меня на место! Туда. Вниз. На яхту!

– Получилось, Васенька, получилось! – донеслись вопли подпрыгивающего на палубе Ивана Фёдоровича. – Марта, тащи шампанское!

Алкоголик, как и все люди. Синильной кислоты тебе, а не шампанского. И жену, если помнишь, ты в этот раз оставил дома, чтобы не мешала научной работе и употреблению масандровского хереса. Фашист собакоподобный!

– Васенька, лети сюда, родной!

Ага, только маникюр на когтях сделаю. Как я к тебе полечу, если не умею? Вишу в воздухе на высоте метров сто пятьдесят, обрывки горелых проводов везде болтаются, ветер в ушах свистит, и жить не хочется. Вот зачем мне такая жизнь?

– Мяу!

Ну вот, только собрался пометить изобретателю блестящую лысину, но стоило поднять хвост, как сразу пошёл в крутое пикирование. Мама-кошка, роди меня обратно!

– Вася!

Ух ты! Класс! Оказывается хвостом можно рулить! А с помощью передних лап менять направление полёта! Мама-кошка, я лечу!

– Мя-я-я-у!

– Васенька, лети ко мне!

Ну всё, академик, ты допрыгался. Наша сила – в ваших тапках!

Я заложил вираж, едва не ободрав бока о причальный брус «Горгоны Медузы», и издал победный вопль. Вроде и неприлично для солидного кота, имеющего весомое положение в обществе, но оно само так получилось. Проорался и принялся строить далеко идущие планы.

Во-первых, договорюсь с уважаемыми коллегами из Библиотеки имени Ленина о свободном доступе через открытую форточку. Думаю, дорого не возьмут, а дело того стоит. У моего академика неплохое собрание технической литературы, но порой хочется приобщиться к классике, которую Иван Фёдорович попросту игнорирует. Зря. Между прочим. Я вот очень

уважаю классическую фантастику начала двадцать первого века. Саргаев, Глейман, Гномов... мама-кошка, какие имена! Столпы и глыбищи, можно сказать! Читать же с коммуникатора неудобно – пока взломаешь ежедневно меняющийся пароль, вся охота к чтению пропадает. Неудобно ведь, согласитесь?

Да, в библиотеку загляну в первую очередь. А потом в Кремль. Или не стоит этого делать? Владимир Владимирович юмор понимает, но шутку с тапками может и не оценить.

И что тогда получается, все желания кончились? Мама-кошка, а я ведь, оказывается, и без полётов был счастлив. На самом деле, не вру!

– Васенька, осторожно, не упади!

И человек у меня заботливый, хотя и учёный. Но лучше бы он в литературоведы подался или философы – технологический путь развития человечества давно признан тупиковым. Погубят их многочисленные механизмы, усложняющие жизнь как самим людям, так и братьям по разуму. А также не приведёт к добру неодолимая тяга к изучению неведомого, усугублённая нестерпимой уверенностью в собственной исключительности.

Ладно бы на собаках опыты проводили, тут возражений не имею, так ведь нет... Попаду в цепкие лапы собственного человека, пусть и лишённые когтей, и разберёт он меня на запчасти в поисках объяснения обнаруженного невзначай феномена. А я же не старый списанный лунный челнок, я на запчасти не хочу.

Проблема, однако. И чайки норовят сверху нагадить, едва только спустился пониже. Чаек ненавижу больше электричества.

– Васенька, – академик выглядит растерянным и близоруко щурится, хотя в прошлом году поставил себе новые глаза в клинике знаменитого доктора Горошкова. – Лети домой, Васенька. Иди ко мне, дружище...

Так куда теперь, к нему или домой? Сам не знает, чего хочет.

– Мяу?

– Вася...

И знаете, какое-то тёплое чувство внутри появилось. Жалко мне вдруг его стало, аж до боли. Как же он без меня? Это неприличные люди самостоятельно могут прожить, а приличные без присмотра быстро хиреют. Цветок в пустыне дольше продержится, чем человек без кошачьего внимания.

Но страшно, мама-кошка! Или не осмелится разобрать друга на запчасти? Рискнуть?

Академик Иван Фёдорович Шрёдингер стоял на палубе собственной яхты, пребывая в состоянии, близком к панике. Проводимый эксперимент закончился неожиданным результатом, совсем не таким, на который рассчитывал. Хотя поначалу показалось, будто всё получилось. Увы, но кот не завис в создаваемом генератором поле, а взмыл к небесам, наглым образом игнорируя любые законы физики. Так не должно было случиться, но летающий вокруг «Горгоны» Васька не являлся галлюцинацией или плодом воображения. Носится, паразит, явно получая удовольствие от полёта.

И что теперь делать? Уникальная аппаратура не просто сгорела, она расплавилась, оставив на палубе безобразные проплешины, фотонные ловушки засраны испуганными чайками, и отмыть их без повреждения сверхпроводящего напыления невозможно... Четыре года исследований коту под хвост!

Коллеги засмеют, если узнают. Они и без того постоянно подшучивают над пристрастием академика проводить опыты на кошках, а тут вообще проходу не дадут. Что им предъявить, летающего кота? Бесполезно – даже если получится заставить Ваську снова подняться в воздух, то это ничего не докажет. Цирковые фокусы... Наука – это прежде всего солидный теоретический фундамент, и уже на его основе строятся практические исследования. А все записи тоже

сгорели, как и коробочка с кристаллами видеозаписей экспериментов за последние четыре года. Катастрофа!

Сообщить об открытии военным? Вот те точно практики, а не теоретики, и им важен конечный результат, а не методы его достижения. Ведь генералов совершенно не интересуют подробные описания процессов, протекающих при сгорании топлива в двигателях ракет, им главное, чтобы эти ракеты попадали в цель.

Но куда они пристроят летающего кота?

– Васенька, хочешь сосиску?

Кот, как показалось Ивану Фёдоровичу, презрительно фыркнул, но предложением заинтересовался и сел на фальшборт. Смотрит вопросительно.

– Вася, я не обманываю.

Нет, что ни говорите, а человек у меня хороший. Даже больше, он замечательный. Умеет академик Шрёдингер найти правильный подход к котам. И сосиски покупает вкусные, производства Оклахомского облпотребсоюза. Раньше, говорят, самыми вкусными считались баварские, но с тех пор, как директор Мюнхенского мясокомбината номер шесть сел на солидный срок за махинации со сверхплановой продукцией, они сильно потеряли в качестве. По моему скромному мнению, так зря посадили.

Впрочем, опять я отвлёкся...

– Ты кушай, Васенька, кушай.

Иван Фёдорович сидит напротив, подперев голову правой передней лапой, и со странным умилением наблюдает за уничтожением сосисок. Я не возражаю. Я кушаю.

– Что же мне с тобой делать, Василий?

Это он у меня спрашивает? Ответ лежит на поверхности и виден невооружённым взглядом – человек кота должен холить, любить и лелеять. Вот и всё. Что может быть проще? Мы же не просим избирательного права или прижизненных памятников на центральных площадях человеческих городов. Мы скромные, нам совсем немного нужно. Разве что ввести смертную казнь за кастрацию и стерилизацию? А за утопление котят – пожизненное заключение на цепи в собачьей будке.

Да, чуть не забыл... пусть дверцы холодильников переделают для удобства открывания и законодательно запретят рогатки. Геноцид собак тоже не лишним будет. Ещё производителей «Вискаса» на осине повесить. Скромные мы, нам много не нужно.

Сигнал коммуникатора, закреплённого у Шрёдингера на запястье, не портит мне аппетит. Может быть, у кого-то иначе, но наш организм устроен таким образом, что новая информация благоприятно влияет на пищеварение и способствует росту шерсти. Любопытство не губит кошку, как утверждают недоброжелатели, а является для неё образом жизни. И для кота, разумеется.

Академик с недовольным видом коснулся старомодного браслета и произнёс:

– Я вас слушаю.

Он не любит ни виртуальные экраны, ни голографическое изображение, так что предпочитает разговоры в обычном телефонном режиме. Оно и правильно, а то некоторые забываются и пользуются связью в полном объёме даже из туалета. Вам вот понравится кушать сосиски и смотреть на сидящего с красной мордой и выпученными глазами собеседника? Вот то-то же...

– Иван Фёдорович, с вами хотели связаться из администрации президента, – послышался испуганный голос ассистентки академика, оставленной работать в московской лаборатории.

– Из чьей администрации?

Вот это Фёдорыч мощно задвинул! Шутник, однако. На всей Земле, то есть на нашей планете, только один человек имеет право называться президентом, а остальные или самозванцы, или китайская подделка.

– Дмитрий Анатольевич сообщил, что у Владимира Владимировича к вам серьёзное деловое предложение.

Постойте, это какой Дмитрий Анатольевич? Если тот, про кого думаю, так он последние лет семьдесят состоит на должности посла при Верховном Курултае нойонов Средиземноморского каганата. Неужели пожалели старика и вернули из захудалого Марселя в Москву? Мама-кошка, что в мире творится!

– Насколько срочное? – когда начинается разговор о делах, академик становится собранным и сосредоточенным.

– Встреча назначена ровно на восемнадцать часов. Сегодня в Завидово.

– Я не успею.

– Администрация президента предлагает оплатить флаер-такси.

– В обе стороны?

– Разумеется.

– Хорошо, скажите Владимиру Владимировичу, что буду к назначенному времени.

– Так и передам, Иван Фёдорович.

– И больше не отвлекайте меня от работы, чёрт побери! – Шрёдингер выключил коммуникатор, погладил себя по лысине и посмотрел на меня. – Ну что, Василий, готов к встрече на высшем уровне? Если готов, то доедай сосиски и собирайся.

Флаер-такси я категорически одобряю и приветствую. Хотя это довольно дорогое удовольствие, особенно междугородные перелёты, но тут, в отличие от воздушных автобусов, не требуют перевозить котов в специальных сумках. Понимаю, что такие требования продиктованы исключительно заботой о нашей безопасности и здоровье. Но как-то оно унижительно. Мы разумные существа, и пребывание в клетке угнетающе действует на нервную систему. А потом люди почему-то жалуется на испорченные тапки. Странно, не правда ли?

Такси прилетело только через пять с половиной минут после вызова – сейчас разгар курортного сезона, и к таким досадным задержкам нужно подходить с пониманием. Академик первым шагнул в открытую дверь севшего на палубу аппарата и махнул рукой:

– Василий, залезай.

А я что, я залезу, меня тут ничего не держит. Яхта сама на автопилоте дойдёт до Балаклавы, и ребята из тамошнего яхт-клуба о ней позаботятся. Лишь бы не забыли запустить роботов-уборщиков для поиска забытых записок. А то в прошлом году оставил пару кефалей в канатном ящике... неприятно было, да.

Шрёдингер набрал адрес на панели управляющего флаером автомата, противный голос с интонациями ржавой жестянки попросил Ивана Фёдоровича пристегнуть ремни, и мы полетели домой. Эх, впереди больше двух часов скуки и безделья. Может быть, предложить академику партию в шахматы? Так ведь не понимает он нормального языка!

Хотя было бы желание с моей стороны. Вон в давние времена коты даже Куклачёва выдрессировали подавать нужные команды и показывали его в цирке... Так что не всё потеряно.

Глава вторая, в которой говорится о пользе полётов и вреде интернет-сообществ

Времени всегда не хватает категорически, и, пока есть небольшое окошко между нашим прилётом в Москву и встречей с президентом, стоит потренировать новоприобретённые навыки. И чихать, что это будет происходить среди бела дня, всё равно свидетелям никто не поверит. У нас в стране коты любят, часто даже впадая в крайности, и в Сети постоянно появляются ролики с участием моих соплеменников. Там они играют в шахматы, пиликают на скрипках, ловят рыбу, варят суп, пылесосят полы, задерживают особо опасных преступников, делают много других полезных дел по хозяйству... Не буду спорить, большинство этих трюков нам по силам, но люди-то об этом не догадываются и с достойным иногим применением рвением снимают юмористическо-фантастические короткометражки.

Так что если и попадусь кому-нибудь на глаза, то примут за галлюцинацию или чью-то шутку. Воздушный кото-шарик, ага.

А теперь сматываемся, пока Иван Фёдорович не заставил пообедать. Вообще-то дело хорошее, но наедаться перед полётами не стоит. Мало ли чего может случиться на высоте с желудком, воспитанным на сливках, сметане и молочной каше? Не хочется изображать в небе бомбардировщик...

До форточки добрался без приключений, счастливо избежав объятий соскучившихся по моей неотразимой красоте дочек академика. Лаура и Луиза хорошие и добрые дети, против истины грешить не стану, но слишком котололюбивые. Зачмокают, затискают, заслуживают, шкуру расчешут, бантик на шею повяжут... Тьфу, позорище.

Только форточками и спасаюсь. Они всегда открыты, так как по периметру нашего сада установлены отпугиватели насекомых, чтоб ни единая кровососущая или кусачая тварь не потревожила покой величайшего мыслителя современности. Я имею в виду Ивана Фёдоровича Шрёдингера, а вы о ком подумали?

Взлетать в комнате побоялся, опыта маловато. А ну как промахнусь? Стеклу как раз ничего не будет, оно пуленепробиваемое, но голова пострадает. А если уроню цветочные горшки с подоконника, то и заднице достанется. Кстати, почему пописать в горшок с цветком можно, а сбросить его на пол нельзя? Не понимаю!

Занавесочка моя, ты занавесочка... Главное, не оставлять затяжек. Аккуратность необходима везде, но тут она требуется в высшей степени. Ага, потом прыгаем... и вот она, долгожданная свобода! И трындец голубям! Я им покажу, как на памятник Пушкину гадить! Ой, в смысле, не личным примером. Ну, вы поняли.

– Вася, кис-кис-кис! Васенька, идём обедать!

Голос академика опасно приблизился, и я решительно сделал шаг вперёд. Думал, конечно, что это шаг к небу, но Исаак Ньютон давным-давно уже подрезал крылья порядочным летунам своим законом всемирного тяготения. Короче, куст роз – не самая приятная взлётно-посадочная полоса.

Но лечу! Мама-кошка, лечу! И ветер свистит в ушах, и хвост вытянут элегантнейшей стрелой, и соседская Муська от восхищения свалилась с забора в наш бассейн. Муська – дура! Представляю, что она сегодня напишет на форуме... Впрочем, после выложенной в Сеть голографии на фоне пластмассового осетра из витрины магазина «Каспий» её заслуженно считают тупой болонкой. Причём болонка не оскорбление, это диагноз.

Да и пусть рассказывает. Про меня и без того ходит немало слухов, один другого нелепее. Некоторые вообще заврались до такой степени, что утверждают, будто после опытов в лаборатории академика Шрёдингера во мне ничего от кота не осталось. Разве что внешний вид, а остальное заменили искусственными органами. Вроде как и когти алмазные, и кости тита-

новые, и глаза с лазерным целеуказателем, и... хм... в соответствующем месте что-то вроде вечной батарейки. Это от зависти, точно.

– Вася! Васенька, ты же упадёшь! Спускайся вниз, Васенька! А я тебе сосиску приготовила!

От неожиданности я шарахнулся в сторону, едва не ободрав бока о вывеску книжного магазина. Это кто из людей меня может звать за четыре улицы от родного дома?

– Кис-кис-кис!

Голос незнакомый и принадлежит девочке лет восьми, стоящей под высокой берёзой и разглядывающей что-то в густой листве. Ну и что же там интересного?

Делаю боевой разворот, стараясь держать дерево между собой и маленькой человечкой, и вижу чёрного котёнка, судорожно цепляющегося когтями за тонкую качающуюся ветку на самой верхушке. Зачем он вообще сюда забрался? Или какое нехорошее существо его сюда загнало? Девочка вот теперь огорчается.

Нельзя расстраивать девочек! В таком юном возрасте люди мало в чём разбираются и обо всём судят с точки зрения собственного опыта. Беспokoятся, что котёнок останется на берёзе навечно и помрёт с голоду. А хоть кто-нибудь видел кошачий скелет на дереве? Нет, не видел и никогда не увидит. И этот котёнок спокойно спустится, как только захочет жрать.

– Васенька-а-а...

Плачет. Не люблю детский плач, хуже него только женское пьяное сюсюканье. Приходилось видеть, да? Это когда молодящаяся девушка лет семидесяти от роду хлопнет рюмку коньяку перед зеркалом и начинает изливать на первого встречного все нерастраченные за долгую жизнь чувства. Соседской Муське как раз такая мамзель и досталась. Два сапога на одну лапу, да...

Но рассуждения рассуждениями, а котёнка я сниму. Даже просто для того, чтобы не маякал на всю улицу, позоря выказываемым страхом кошачий народ.

«Куда пополз, барбос? Ты меня понимаешь, чудовище?»

Разумеется, сказал не словами. Ими мы только в Интернете пользуемся, потому что так удобнее, а для остального есть другие способы передачи информации. Слышали небось вопли по ночам? Это самый грубый способ. Среди людей, в принципе, он тоже встречается... «Я твой дэдушка кэпка мэтил! Я твой бабушка банка к хвост привязывал! Я твой сакля труба шатал!» Вот и у котов примерно так.

Котёнок выгнулся дугой, испугавшись появления такого огромного меня. Потом попятился, пока не упёрся задницей в сучок.

«Дяденька, я к ней не пойду!»

«Почему?»

«Она собирается меня помыть».

«Это нужно перетерпеть, малыш. Ты же не хочешь стать блошиным общежитием? И самому неприятно, и людям беспокойство. Мытьё, опять же, для мягкости и шелковистости шерсти – первейшее дело!»

«Всё равно не пойду. Вольным котом буду, гуляющим сам по себе. Мышей я ловить уже умею, так что обойдусь без человеческой заботы. Надоели!»

Да, запущенный случай. Уж не под валерьянкой ли сострогали недоумка? Свободы и независимости захотелось? А как же тогда быть с ответственностью за тех, кого мы приручили ещё пять тысяч лет назад?

«То есть именно из-за нежелания помыться ты решил стать похожим на бродячую собаку? Лапу на столбики задирать научился?»

Пищит обиженно. Сравнение с собакой для порядочного кота неприятно, а с бродячей – оскорбительно. Только вот право обижаться нужно ещё заслужить.

«Всё равно мыться не буду!»

«Да кто же тебя спрашивает, щенок?!»

Весу в нём совсем ничего, и дополнительный груз нисколько не мешает полёту. Даже не полёту, а неторопливому планированию к ногам изумлённой невиданным зрелищем девочки. То есть сам опускаюсь к ногам, а мелкого бомжа аккуратно кладу в подставленные ладони.

Во рту мерзкий привкус... Дура, кто же котят стиральным порошком моет?

Домой вернулся довольный, усталый и голодный. Наскоро перекусил на кухне кусочком позабытой на столе колбасы и приступил к реализации второй части запланированных до встречи с президентом мероприятий. Даже, я бы сказал, ритуалу.

Именно ритуалом можно назвать мои ежедневные выходы в Сеть с коммуникатора академика Шрёдингера. Довольно сложная, между прочим, процедура. Во-первых, нужно дождаться, пока Иван Фёдорович традиционно уснёт после вкусного и сытного обеда, незаметно пробраться в спальню, осторожно забрать с тумбочки браслет, найти укромное место... Много дел, да? Ну а во-вторых, подобрать пароль. Раньше, бывало, до десяти-двенадцати попыток тратил.

Сейчас попроще, так как и опыт появился, и пришло понимание алгоритма смены паролей. Фёдорыч, оказывается, забил даты рождения всей семьи. То есть сумму чисел, умноженную на номер счёта в Сбербанке и поделённую на количество полных лунных затмений, наблюдаемых в Москве с одна тысяча девятьсот пятого года по настоящее время. К полученному числу прибавить календарную дату и опять поделить, но уже на порядковый номер дня недели. Простенько и со вкусом.

Ещё проще будет заглянуть в записную книжку, где все пароли указаны на три года вперёд. Но это не так интересно, не правда ли?

Самое хорошее место для выхода в Сеть – библиотека на втором этаже. Скрипучая деревянная лестница заранее предупредит о появлении опасности, и даже если увлекусь и не услышу, то всегда можно сделать вид, будто академик сам забыл коммуникатор на столе. Учёные просто обязаны быть рассеянными. Коты же, как известно, никогда ни в чём не виноваты. Аксиома и постулат, обсуждению не подлежащие.

Как я и предполагал, соседская Муська успела создать на форуме посвящённую мне тему, и сейчас добрая половина уважаемых пользователей упражнялась в остроумии, обсуждая не столько гипотетический полёт Василия Шрёдингера, сколько личность топик-стартера. Какие роскошные эпитеты, мама-кошка! Аж завидно становится.

Пользователь Барсик Иванов из Эрмитажа вообще предположил, что вместо Муськи на «Котейко+» зарегистрировался выживший из ума австралийский муравьед, имеющий целью опорочить славное имя всем известного представителя кошачьего сообщества.

Шутит он так. Муравьеды обладают зачатками разума, но этих крох не хватит даже на освоение простейших арифметических действий, не говоря уже о грамотности.

«Она Ваську ревнует, – Мурзик из Нижегородского политеха сопроводил свой пост неприличной картинкой. – Взаимности требует».

Пушок из Екатеринбурга:

«Полёты без применения технических средств невозможны, и разговоры о них являются антинаучной ересью».

Персик. Место жительства не указано:

«Коллега Пушок, я вас искренне уважаю, но нельзя так грубо разрушать мечту. Вы когда в последний раз смотрели на звёзды? Или на облака?»

Пушок из Екатеринбурга:

«Коллега Персик, мне четырнадцать лет седьмой жизни, и я давно утратил щенячью восторженность».

Персик. Место жительства не указано:

«Ты кого щенком назвал, пудель облезлый?»

Пушок из Екатеринбурга:

«Шпиц померанцевый! Две недели как подохший!»

Филип Филипыч. Ленинградская ВМА:

«Коллеги, пока не появился модератор, я рекомендовал бы потереть посты».

Баюн. Злобный админ:

«Поздно, я уже тут. Неделю бана обоим. Попытаются создать клоны – забаню навечно».

Тимофей из Вологды:

«Массовые репрессии всецело поддерживаю. Предлагаю закрыть тему, а Муську отправить в расстрельный ров».

Баюн. Злобный админ:

«Пользователь Тимофей получает месячный бан за попытку оказать давление на администрацию форума».

Что-то Боня сегодня лютует. Не с той лапы встал или имеет виды на Муську? Живёт он недалеко, всего минут десять неторопливой трусой, персидская порода всегда вызывала у него горячий интерес, так что вполне возможно и такое объяснение. Может быть, мне пока не соваться на форум?

Поздно, заметили...

Фернандо. Берлинский зоопарк:

«Коллега, обратите внимание, в теме появился наш герой. Василий, что вы можете сказать по существу вопроса?»

Да чтоб ты провалился, глазастый!

Делаю виртуальную клавиатуру побольше, чтоб клавиша как раз под размер лапы, и печатаю в ответ:

«Я не намерен обсуждать черновики фантастического произведения. Вот когда Муся допишет свою книгу о приключениях летающего кота, тогда и поговорим. И моё почтение уважаемым коллегам!»

Фернандо. Берлинский зоопарк:

«Так вот оно что. А почему не в литературном разделе?»

Баюн. Злобный смотритель:

«Спасибо за разъяснение, коллега Василий. Тема переносится в соответствующий раздел. Желающие могут продолжить обсуждение творчества Муси там».

Фух, вроде отмазался. Интересно, поверили или нет? Хотя почему бы и нет? Всем известно, что коты к полёту не приспособлены, и любое обратное утверждение является антинаучной ересью, как выразился Пушок из Екатеринбурга. И никогда, никому и ни за что не проговорюсь про уникальную способность. Хотя очень-очень хочется... Наше племя честолюбиво, и меня нельзя записать в исключения, не погрешив против истины. Но согласитесь, лучше стать неизвестным героем, чем знаменитым отщепенцем.

Когда-нибудь, в далёком-предалёком светлом будущем, и другие мои соплеменники обретут возможность попробовать небо на зуб, ощутить его вкус на губах. Воспарить над землёй с её суетой и сиюминутными заботами... Пока же летающий кот будет недоразумением, отверженным уродцем вроде натасканных на ловлю крыс терьеров. Муська – собака!

Расстроенный, я ещё немного полазал по форуму, удивляясь наплыву посетителей. Хотя «Котейко+» является одним из самых популярных ресурсов, обычно тут одновременно присутствует не больше полутора-двух тысяч пользователей. Лето так повлияло? Пора отпусков, люди разъехались по курортам, оставив братьям по разуму коммуникаторы? Или реки потекли вспять, небо упало на землю, и промышленность Земной Федерации начала выпуск персоналок именно для котов? Шучу... от людей такого ещё пять тысяч лет не дождёшься.

Ой, шаги академика! Лестница скрипит. Извините, котаны, я срочно вас покидаю. Поболтаем как-нибудь в другой раз. Потом, в более подходящее время.

– Вася, Вася! Кис-кис-кис!

Академик Иван Фёдорович Шрёдингер заглянул в библиотеку, кивнул с удовлетворением от правильности своих догадок. И с укоризной покачал головой. Васька совсем распустился, распоясался, обнаглел, охамел, и так далее, и заслуживает самого сурового порицания. Что за странная страсть играть то коммуникатором, то панелью голосвязи, то блоком управления домашнего холодильника? Хочется ему свеженького, так пусть дожждётся похода Марты Прокофьевны по магазинам, но играть с приборами нельзя! Кто три недели назад, лапая пульт, случайно заказал три тонны сосисок с доставкой на дом? Совпадение, конечно... за которое пришлось расплачиваться с роботом-курьером, категорически отказавшимся аннулировать заказ.

– Вася, не трогай коммуникатор! Не забыл, что нам скоро вылетать? Почесать тебя за ухом, чёрта рыжего?

Глава третья, в которой кот Шрёдингера обзаводится связями на самом высшем уровне

Давным-давно приходилось видеть старые карты, на которых Москва была ограничена МКАД, плюс прилепленная с юго-запада большая грыжа так называемой Новой Москвы. По нынешним меркам – губернский город вроде Кургана или Майами. Но это тогда, а сейчас столица разрослась, и не далее как в прошлом году закончилось строительство ещё одной кольцевой дороги, проходящей через Тверь, Калугу, Тулу и Владимир.

И мы с академиком не какие-то там замкадыши. А самые коренные москвичи во втором поколении. Дубна, это ведь почти центр, не чета окраинным Можайск и Малоярославцам. Да, мы центровые!

Хотя Марта Прокофьевна недовольна оживлённым воздушным движением над нашим домом. И постоянно уговаривает Ивана Фёдоровича переехать куда-нибудь в ближнее Подмосковье, чтоб быть ближе к природе. В Казань там или в Вологду... Склочная старая ведьма!

– Ну разве можно пойти на приём к президенту в простом костюме? – хлопотала она вокруг собирающегося на важную встречу академика. – Надень фрак, ты в нём смотришься солиднее.

– Во фраке я становлюсь похожим на официанта из «Техасской блинной», – недовольно поморщился Шрёдингер. – Тем более он не будет гармонировать с рыжим цветом Васькиной шерсти.

– А кота зачем к президенту? – изумилась Марта Прокофьевна. – Оставь Василия дома.

Нет, люди добрые, вы только послушайте, что городит эта самка собаки! На премьеру идиотского балета «Интерны» по мотивам девяносто пятого сезона одноимённого сериала меня таскать можно, а на встречу с президентом Земной Федерации нельзя? Где логика, мадам, где разум?

А фрак на академике и впрямь сидит, как седло на собаке. И вообще лучше бы военный мундир надел – Иван Фёдорович до увлечения фундаментальной наукой тридцать пять лет прослужил в истребительной авиации. И в запас вышел генерал-майором с увешанной боевыми орденами грудью. А во время подавления беспорядков в Североамериканском федеральном округе именно он сбил челнок с пытавшимся бежать на Марс предводителем тамошнего «временного правительства» Лехаймом Навальером.

Фёдорыч будто услышал мои мысли и решительно распахнул дверцы шкафа:

– В форме пойду. И не спорь!

Правильно, грех прятать заслуженные награды. Пусть Владимир Владимирович видит, что с ним разговаривает не какой-то там штатский яйцеголовый академик, а целый генерал-майор. Сам-то он лишь до полковника дослужился, да и то в незапамятные времена, о которых теперь помнят разве что энциклопедии.

Шучу, сейчас люди живут очень долго, и многие застали ещё Российскую Федерацию, а не земную. Моему академику, например, сто двадцать два года, и помирать он в ближайшие два века не собирается. Да-да, как эльфы из древних книжек! И вызвано это побочным эффектом прививки от лихорадки Эбола. В данный момент надобность в инъекциях отпала, так как полезная мутация передаётся по наследству, а тогда...

Тогда эпидемия выкосила почти всё население бывших Соединённых Штатов, больно ударила по Европе, изрядно погуляла по Африке и Азии. В общем, по всем странам, что по дурости своей присоединились к так называемым санкциям, забывая о наличии двух концов у любой палки. В Чикаго, читал, после отступления болезни в живых осталось около семи тысяч человек, а в Нью-Йорке и того меньше. Вот так-то вот!

Ну и, соответственно, мир изменился. Почему-то больше всех выиграли монголы, получившие протекторат над всей Северной Африкой, средиземноморским побережьем Испании и Франции, да ещё южной оконечностью Апеннинского полуострова. А Российская Федерация пополнилась Скандинавским, Североевропейским, Среднеевропейским, Североамериканским, Среднеазиатским, Австралийским федеральными округами и сменила название на Земную Федерацию.

К сожалению, присоединение новых территорий не везде и не всегда проходило безболезненно, о чём и свидетельствуют ордена и медали на груди академика Шрёдингера. То секта какая-нибудь попытается заявить об отделении, то недобитые либералы потребуют автономии для Гренландской губернии... Дикари!

А так, в общем-то, нормально живём. Луну и Марс колонизировали, военно-космический флот построили, автоматические звездолёты отправляем на поиски инопланетного разума. Обычная размеренная жизнь обычной планеты.

– Ну и как я выгляжу? – одетый в мундир Иван Фёдорович спрашивает почему-то не у меня, а у собственной жены.

Это он зря – женщины не могут оценить всей красоты военной формы. Женщины у человеческой расы тоже дикие.

– Хорошо смотришься, – со вздохом соглашается Марта Прокофьевна. – Но во фраке было бы лучше.

Нет, на её мозги определённо действует девичья фамилия. Марта Прокофьевна у нас – урождённая Доберман.

– Дорогая, – не стал спорить с супругой Иван Фёдорович, – вызови нам такси.

– Разве за тобой не пришлют машину?

Видимо, ей хочется похвастаться перед соседками – смотрите, к нам прилетел правительственный лимузин! Обломись, подружка, мы с товарищем академиком скромные и в бронированных гробах не летаем!

На самом деле Шрёдингер запутывает следы из соображений секретности. По открытому каналу его попросили приехать в Завидово, но ещё в полёте из Крыма в Дубну на коммуникатор пришло сообщение о переносе встречи в Кремль. Враг не дремлет!

В принципе, у Земной Федерации явных противников нет и в ближайшем будущем не предвидится, но и союзникам много знать не требуется. Сегодня они друзья, а завтра появится там какой-нибудь Мао Дзедун, и все хорошие отношения полетят псу под хвост. Примером тому недавний конфликт на границе Кубинской Мексики и Чилийского королевства – пятьдесят лет два государства жили в мире и согласии, но стоило только чилийцам неудачно пошутить по поводу бороды неизменного кубинского лидера товарища Фиделя Кастро... туши свет и сливай воду! Аж шерсть клочьями летела!

Впрочем, политикой я мало интересуюсь – единственная наша попытка создать собственное государство привела к образованию Древнего Египта с его обожествлением кошек и признана неудачной. Поговорить о международном положении на досуге могу, но жажда власти и стремление захватить весь мир отсутствуют совсем. Прививка с глубокой древности, однако.

Ладно, хватит о политике, потому что флаер-такси уже совершило посадку на Манежной площади. Полёты над Кремлём запрещены, и дальше придётся идти пешком, присоединившись к большой группе то ли японских, то ли киргизских туристов. А может быть, это вообще китайцы – слишком явный гастрономический интерес они ко мне проявляют. Кошкоеды – хуже каннибалов!

У Боровицких ворот нас ждали. Коренастый человек с холодным взглядом внимательных глаз и мигающей панелькой включенной силовой брони на поясе выскочил как чёртик из табакерки и вопросительно-утверждающим тоном произнёс:

– Товарищ генерал-майор?

Ага, типа хочет удостовериться. Вот ни за что не поверю, будто наш полёт от Дубны до Манежки не отслеживали и что флаер-такси не из гаража федеральной службы охраны. За щенков держит?

– Академик Шрёдингер, – представился Иван Фёдорович. – У меня назначено.

– Вас ждут, – ответил коренастый, пожелавший остаться инкогнито.

Да не очень-то и хотелось. Мы, коты, народ не слишком общительный и на контакты с посторонними идём крайне редко. Одни неприятности от них, от этих посторонних.

– Василий, за мной! – скомандовал академик. – Не отставай.

Отстанешь тут, как же... Китайцы вон как заинтересованно смотрят, а некоторые даже облизываются. Ужас! Угадайте, из кого в Поднебесной готовят кролика по-сычуаньски? Нет, не подумайте, я не расист и тех же корейцев очень даже уважаю за некоторые блюда их национальной кухни. Вот это люди! Это, как говорится, глыбищи!

Сопровождающий идёт быстро, и мне, чтобы не скакать вприпрыжку и не выглядеть смешным, пришлось забраться к Ивану Фёдоровичу на плечо. Ну а что, военный мундир винтовочную пулю на десяти шагах держит, а тут всего лишь когти. Джон Сильвер, помнится, вообще с попугаем ходил!

Президент оказался точно таким, как я его представлял по выпускам новостей, а вот его кабинет меня разочаровал. Не таким должно быть рабочее место главы самого мощного на планете государства. Где лампа с абажуром? Где покрытый зелёным сукном стол? Где, наконец, карта с воткнутыми в неё флажками? Гибкие монокристаллические экраны нарушают гармонию святого для любого жителя Земли места, раструбы инфразвуковых подавителей агрессии вообще выглядят чужеродно, и стеклянный шкаф с коллекцией моделей космических кораблей не подходит по стилю.

В кабинете кроме президента присутствовали министр обороны, командующий военно-космическим флотом, министр иностранных дел и министр финансов. Последний назначен в прошлом месяце, потому выглядит немного смущённым в столь представительном обществе.

Вот я никогда не смущаюсь. Или не буду смущаться, если приведу себя в порядок.

– Вася, прекрати! – возмутился профессор. – Брысь!

Нет, вот что это такое? Почему сразу брысь? Я, может быть, и не собираюсь вылизываться столь откровенно. А даже если и собираюсь, что с того? Это у людей для вылизывания труднодоступных мест существуют подчинённые. А нам, котам, приходится справляться самостоятельно.

– Здравствуйте, Иван Фёдорович, – президент протянул академику руку. – А кот пусть чувствует себя как дома.

Вот, сразу видно приличного человека! Такого не смогут испортить даже долгие годы общения с лабордорами.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович, – Шрёдингер пожал протянутую ладонь и кивнул всем остальным. – Здравия желаю, товарищ маршал! Здравия желаю, товарищ генерал-полковник! Здравствуйте, Сергей Викторович. Добрый вечер, господин министр.

Вот так вот! Одним только приветствием академик расставил все точки над «i». Министр финансов, внезапно ощутивший холодное дуновение колымских ветров, вздрогнул и спросил:

– Простите, а почему я господин?

Шрёдингер пожал плечами:

– Я так вижу.

Президент не оставил времени на более развёрнутый ответ, широким жестом предложив присутствующим занять места за столом. Сам сел после всех, зачем-то посмотрел на часы и кивнул министру обороны:

– Время дорого, товарищи, поэтому давайте послушаем доклад Сергея Кужугетовича о сути проблемы, а потом вместе попробуем найти способы её решения. Никто не возражает?

Все согласились с предложением, а министр обороны достал откуда-то и положил на стол нечто похожее на металлическую книгу. Управляющий блок космического корабля? Несколько лет назад такие начали ставить, я в новостях видел. Маршал положил ладонь на прибор – над столом появилось трёхмерное изображение неизвестной планетной системы – и после тяжёлого вздоха сообщил:

– Три месяца назад на Землю вернулся корабль, проводивший исследование в системе альфы Песца...

– Постойте, – перебил Шрёдингер министра обороны. – На нём стояли мои двигатели, так? Почему мне не сообщили о возвращении?

– Так было нужно, Иван Фёдорович, – откликнулся президент. – Но давайте не будем прерывать Сергея Кужугетовича.

– Хорошо, пусть продолжает, – академик требовательно взглянул на докладчика. – Ну что же вы? Рассказывайте.

Маршал опять вздохнул:

– Собственно, вернулся не сам корабль, а только его модуль с исследовательской аппаратурой – бортовой искусственный интеллект второго поколения принял решение, что ценность доставленной информации намного превосходит стоимость остального железа, пожертвовав им и собой в пользу скорости.

– То есть...

– То есть выдрал из звездолёта внепространственный двигатель, каким-то чудом присобачил его к обыкновенному спасательному модулю, отправил, а потом активировал самоликвидацию.

– Чуть, – решительно заявил Шрёдингер. – Во-первых, демонтаж и последующую установку двигателя невозможно осуществить силами бортовых роботов-ремонтников, а во-вторых... Во-вторых – искусственный интеллект второго уровня не способен на самостоятельные поступки и лишь выполняет заданные программы! Это как от моего кота требовать читать Карла Маркса в подлиннике!

Я заурчал, привлекая внимание, но успеха не добился. Ну да, эти снобы считают котов ограниченными существами, интересующимися исключительно жратвой, тапками и мышами. Да, бывает что и этим интересуюсь! А Карла Маркса, между прочим, читал. И в подлиннике, и в переводе... на редкость унылая тягомотина. Фанфик на Адама Смита, ёптыть!

Министр обороны усмехнулся, давая понять, что оценил шутку Шрёдингера:

– Вы правы, Иван Фёдорович, целиком и полностью правы. И если бы этот искусственный интеллект не был сделан на «Уралвагонзаводе»...

Академик задумался, не совсем въезжая в ситуацию. Это он зря, между прочим! Хотя спустя минуту и до него стало доходить, что сумрачный нижнетагильский гений невозможно постичь ни алгеброй, ни гармонией, поэтому от продукции легендарного завода можно ожидать чего угодно.

– Но и это ещё не всё, правда?

– Так оно и есть, Иван Фёдорович, – министр обороны наконец-то запустил показывающее статичное изображение устройство. – Смотрите сами.

Картинка сменилась видом каменистой пустыни, и жестяной голос, точно как во флаер-такси, сообщил:

– Двести двадцать третья неделя экспедиции. Пробы грунта в районе южного полюса третьей планеты альфы Песца выявили колоссальное содержание...

Голографическая вспышка заставила академика подпрыгнуть на стуле, а меня зажмуриться. Изображение исчезло, голос искусственного интеллекта вдруг приобрёл эмоциональность – сквозь хрипы и скрежет донеслось его удивление:

– Ну и какая... откусила камеры внешнего наблюдения? Вероятность нападения местной разумной фауны – восемьдесят девять процентов. Какие-то удоды сбили всех дронов и раздавили автоматический планетоход-разведчик. Вероятность присутствия внеземного разума – девяносто восемь процентов. Ах вы су...

Новая вспышка прервала сообщение, и академик вопросительно взглянул на министра обороны:

– Это тоже не всё, товарищ маршал?

– Нет, это как раз всё, товарищ генерал-майор.

Шрёдингер надолго задумался и прервал полёт научной мысли только тогда, когда потерявший терпение президент принялся выстукивать пальцами по столу «Советский марш» из всеми позабытой, но ценимой знатоками древностей игры.

– Надо туда лететь, Владимир Владимирович, и разбираться на месте. Именно мне лететь. Мы не можем упустить шанс установить контакт с инопланетной цивилизацией! Или принять решение о её уничтожении в случае невозможности мирного сосуществования. Но опять же хочется убедиться лично.

Здравая мысль – Иван Фёдорович является единственным на всей планете ксенобиологом. Пусть он любитель и ксенобиология для него хобби, но других специалистов нет вообще. Да они, в общем-то, и не требовались до сегодняшнего дня – экспедиции к звёздам пока не сталкивались в космосе ни с разумной, ни с неразумной жизнью. Академик тоже не сталкивался, но его богатое воображение, помноженное на знание законов эволюции, позволяло судить о чуждой нам фауне. Процентом пятьдесят – или инопланетное существо будет похоже на предполагаемый портрет, или не будет.

– Вы правы, Иван Фёдорович, – президент прекратил барабанить по столу. – Мы как раз и пригласили вас, чтобы предложить возглавить новую экспедицию к альфе Песца. Во-первых...

– Я согласен! – воскликнул Шрёдингер, даже не став выслушивать аргументы в пользу своего руководства. – Когда?

Нетерпение понятно – настоящий учёный ставит тягу к новым знаниям превыше личной безопасности. И хвост даю на отсечение, что академик потребует испытать на экспедиционном корабле свои внепространственные двигатели нового поколения.

– Осенью, – озвучил сроки президент. – Если стартуете к седьмому октябрю, будет вообще замечательно.

– Постройка корабля с нуля? Боюсь, можем не успеть.

– Успеем, – заверил министр обороны. – Неограниченное финансирование и ваши чрезвычайные полномочия способны творить чудеса.

– Насколько чрезвычайные?

– Будете иметь право на расстрел без суда и следствия. На собственное усмотрение и без отчётности, но не больше десяти приговоров в неделю.

– Этого хватит. А самостоятельно комплектовать экипаж и состав экспедиции могу?

– Разумеется, Иван Фёдорович. Вооружение тоже по вашему выбору. Любое!

Молчавший до сих пор министр иностранных дел добавил:

– Если решите привлечь иностранных специалистов, то списки подготовьте заранее, чтобы мы успели поговорить с людьми.

– А они согласятся?

– От предложений спецназа МИД ещё никто не отказывался.

Это точно, тут уважаемый Сергей Викторович целиком и полностью прав. Дипломатия, как и всякое добро, должна быть с кулаками, и ничто так не способствует успеху любых переговоров, как автомат Калашникова трёхсотой серии, уткнувшийся в затылок партнёра по этим самым переговорам. Если согласие есть продукт непротивления сторон, то способы его достижения не так уж важны. Главное – результат.

Глава четвёртая, в которой рассказывается о вреде французской кухни

Если бы я знал, на что мы с Иваном Фёдоровичем подписываемся, то непременно бы отказался. Ведь все мои представления о подготовке к экспедиции основывались на почерпнутых из фантастических книжек знаниях и полностью не соответствовали реалиям суровой действительности. Вместо увлекательных закупок провианта и снаряжения с обязательным подробным перечислением сделанных запасов в духе Жюль Верна мы погрязли в бумагах. Пусть в виртуальных бумагах, но когда общий объём согласованных документов превысил двадцать четыре мегабайта...

В светлом будущем фантастических романов проще – для полёта в космос требуются лишь сам корабль и разрешение диспетчера на старт. И всё!

– Вы поймите, Густав Карлович, меня не интересуют технологии проката броневых листов! Меня интересуют сроки их поставки! – Шрёдингер легонечко постукивал стволом наградного пистолета по покрытому каплями холодного пота лбу директора Новостокгольмского металлургического комбината. – Вы когда получили заявку на ферритоорганические листы?

– Помилуйте, херре академик, но прошло всего лишь две недели!

Врёт. Вот всей своей кошачьей шкурой чувствую ложь! Две недели было позавчера, а сейчас идёт третья. А в заявке от Петрозаводской верфи чётко оговорены сроки поставки и возможные репрессии за их срыв. Ну кого вы лечите, Густав Карлович?

И вообще мерзкий климат Скандинавского федерального округа действует на разумных существ губительно, не делая различий между людьми и котами. Просто человеческое паскудство на виду, а моих соплеменников никто не учитывает и статистику не ведёт. Между тем только включение Швеции, Дании, Финляндии и Норвегии в состав Земной Федерации спасло местную кошачью популяцию от вырождения.

Они копировали самые отвратительные черты и привычки своих хозяев! Да-да, я не ошибся, именно хозяев – хвостатые Квислинги признали подчинённое положение и напрочь забыли тысячелетнюю мечту о равноправии. Выродки!

Сейчас чуточку полегче, так как дегенераты вымерли, а новое поколение воспитывается в приверженности традиционным ценностям. Да и то случаются рецидивы – кто-то мышей отказывается ловить, а кто-то затягивает сроки поставок броневых ферроорганических листов. Беда, однако...

– Сколько требуется времени на исправление преступной ошибки? – в голосе Шрёдингера лёд и сталь. – Час, два?

– Сию же минуту отдам распоряжение о погрузке антигравитационных платформ. – Бывший швед зашарил по столу в поисках коммуникатора. – Завтра к утру они будут в Петрозаводске.

– Сегодня! – отрезал академик.

– Как сегодня? – опешил Густав Карлович. – Это никак не возможно из-за оживлённого движения над Балтийским морем, тем более антигравитационные платформы не могут передвигаться с большими скоростями.

– Это ваши проблемы. Можете за свой счёт фрахтовать стратосферный грузовой поезд, но чтобы первая партия броневых листов попала на верфь не позднее шести часов вечера.

Директор металлургического комбината загрузил – непредвиденные расходы целиком и полностью лягут на его плечи. Аренда стратосферника обойдётся в годовую зарплату со всеми возможными премиями! Излишества вообще дорого стоят, и использование тяжёлой грузовой техники несомненно к ним относится.

Нужно заметить, что в Земной Федерации чрезвычайно дешёв именно общественный транспорт – тот же полёт рейсовым автобусом из Севастополя в Москву стоит три рубля шестьдесят две копейки, но уже флаер-такси по этому маршруту увеличит расходы на два порядка. Триста шестьдесят два рубля отдай и не грехи! Похожая ситуация с грузовыми перевозками. Стоимость доставки броневых листов в трюмах стратосферного поезда номер 16 «Мальме – Петрозаводск» – сто сорок рублей с тонны. Индивидуальная аренда оставит без штанов в прямом смысле.

– Будет исполнено, херре академик, – прошептал директор, а потом замялся, побледнел и выдавил через силу. – Скажите, можно ли мне рассчитывать на смягчение приговора в случае чистосердечного признания и раскаяния?

– По поводу?

– Хочу добровольно сообщить о своей работе на разведку Китайской империи.

Хм... смелое заявление. Неужели правда работает на китайцев или таким образом стараются прикрыть более серьёзные нарушения на вверенном ему предприятии? Всё-таки шпионаж в пользу дружественного государства является сущей мелочью по сравнению с профессиональной некомпетентностью и вытекающими из неё последствиями. Или случилось чудо, и мы поймали настоящего врага народа?

Не люблю китайцев!

Впрочем, арест не освобождал Густава Карловича от исполнения служебных обязанностей, и в тот же вечер груз броневых листов был благополучно доставлен на верфи Петрозаводска. Мы же с Иваном Фёдоровичем продолжили путешествие, забив в автопилот правительственного лимузина новый маршрут. Нас ждал Париж!

Много лет назад, когда решался вопрос о столице новообразованной Французской губернии, Париж в списке претендентов значился чуть ли не на последнем месте. И было из-за чего – подавление так называемых «лихорадочных» бунтов две тысячи восемнадцатого года обошлись городу очень дорого. И почти вся центральная его часть представляла из себя обгорелые развалины. Пострадал даже знаменитый Нотр-Дам, наполовину разрушенный артиллерийским огнём при освобождении собора от засевших там министров французского правительства. Весёлое времечко...

Но историческую справедливость восстановили прямым указом президента Земной Федерации. И Париж буквально за какие-то десять лет возродился, подобно Фениксу. И местные жители утверждали, будто бы он стал красивее и уютнее. Может быть, и так – отсутствие на улицах негров и арабов способно само по себе украсить любой город.

В принципе, человеку, сидевшему в подвальчике на углу Севастопольского бульвара и улицы 150 лет ВЛКСМ в обществе бутылки муската «Кара-Даг», до окружающих красот нет никакого дела. И вообще, любой город он оценивал с точки зрения удобства захвата или обороны – профессиональная деформация, полученная за долгие годы службы в десантно-штурмовой дивизии в нагрузку к солидному счёту в Сбербанке и соответствующей репутации. Да ещё старые, ноющие к перемене погоды раны. Приобретённое долголетие вовсе не гарантирует богатырское здоровье, и если уж до прививки успел заработать какие-нибудь болезни, то будь готов терпеть их всю оставшуюся жизнь. В могилу, понятное дело, уже не сведут, но самочувствие попортят изрядно.

К травмам это относится не в последнюю очередь. Из-за них в своё время Жерар Дюваль был вынужден уйти в отставку с должности командира полка и с тех пор страдал от скуки, изредка нарушаемой визитами старых друзей. Генерал-майор Шрёдингер как раз к таковым относился.

Он, как обычно, заявился без всякого предупреждения в сопровождении неизменного огромного рыжего кота, уселся напротив и сообщил подскочившему официанту:

– Мне то же самое, что пьёт месье полковник, а коту сливок.

– А поздороваться? – Жерар посмотрел на Ивана Фёдоровича сквозь полный бокал. – Где твоя вежливость?

– Принесёт вина, тогда и поздороваюсь.

– Со мной.

Шрёдингер усмехнулся:

– Не думаю, что тот самый Железный Дюваль нуждается в пожеланиях здоровья. Но рад тебя видеть.

– Да какой уже железный, – отмахнулся отставной полковник. – Моё железо ржавчиной тронуту, шарниры скрипят, подшипники клинит...

– Напрасливаешься на комплимент?

– Вот уж чего не надо, так это комплиментов. Вот в чём-нибудь полезном бы предложил поучаствовать. Для полировки и профилактики, так сказать, – Жерар тяжело вздохнул. – Эх, Ваня, а помнишь тот ресторан в Монреале?

– Там сейчас пруд с лебедями, – рассмеялся Шрёдингер, до сих пор с удовольствием вспоминающий празднование двадцатилетней годовщины освобождения Канады. – И деревья новые давно выросли.

Материализовавшийся около столика гарсон поставил бутылку и замер в лёгкой растерянности с блюдечком сливок в руке:

– Извините, месье, ваш кот предпочитает кушать, сидя на стуле?

Иван Фёдорович небрежно отмахнулся:

– Он не привередливый. Впрочем, спросите у него сами.

Вот честно скажу вам, товарищи... умеет академик ставить людей в неловкое положение. Это же надо додуматься – заставить официанта разговаривать с котом, то есть со мной. Ладно, не буду вводить парнишку в конфуз и чуть-чуть подыграю.

– Месье кот желает стул повыше?

Быстро киваю, а чтобы не случилось недопонимания, повторяю ещё пару раз. У гарсона отвисла челюсть, но так как пожелания посетителей не обсуждаются и не комментируются, он опять исчез, чтобы тут же появиться с высокой табуреткой. Благодарю за заботу коротким мявканьем и спешу отдать должное угощению, не забывая прислушиваться к разговору Шрёдингера с Дювалем.

– Ты угадал, Жерар, – не стал кружить вокруг да около Иван Фёдорович. – Я действительно хочу предложить тебе дело по душе. Настоящее дело, чтоб сердце в пятках и адреналин из ушей.

Дюваль хотя и родился в Гавре, но считал русский язык родным, поэтому понял академика с полуслова:

– Работа по профилю, товарищ генерал-майор?

– Разумеется. Восстановление в армии с присвоением очередного воинского звания гарантировано министром обороны.

– Нашим?

– Ну не китайским же! Или ты тоже их шпион?

– Что значит тоже? – слегка обиделся Дюваль.

– Пустое, – мотнул головой Иван Фёдорович. – Разоблачили наемни с Василием одного типа.

– Я присягал ещё Российской Федерации и попросил бы...

– Жора, не кипятись! Ты согласен?

– Где предстоит работать? – моментально остыл полковник.

– И не торопись! Завтра жду тебя в Москве, зайдём в штаб военно-космического флота, дашь все подписки... Да сам понимаешь. Не маленький.

Ага, сейчас начнут обсуждать детали, в том числе и оклад денежного довольствия. Вот пусть потом француз попробует не проставиться за новые погоны – хана его ботинкам! Только чтоб молоко не обезжиренное, у меня от него живот пучит. Кстати, напомнило... где тут у них ватерклозет?

Академик ожидаемо не отреагировал на мой прыжок с табурета – привык к самостоятельности и даже без присмотра ведёт себя прилично. Шучу, он привык к моим вольностям и не беспокоится. Знает, что не пропаду даже в московском метро в час пик. Вот где настоящий Вавилон, а вы про какой-то Париж.

Туалет нашёлся по запаху. По сладковатому запаху анаши, категорически запрещённой к хранению, употреблению, перевозке и продаже на всей территории Земной Федерации. Обнаруженный при обыске косяк гарантирует три года лунных рудников, а попавшиеся с поличным при сбыте могут рассчитывать на пятерик. Если повезёт, то не на поверхности Марса, а под ней.

Рисковые, однако, здесь ребята работают. Даже не анаша, а настоящий гашиш! Давешний гарсон заперся в кабинке и толчёт на крышке унитаза бурую лепёшку, похожую на слегка приплюснутую собачью какашку. Рядом на полу две откупоренные бутылки с любимым мускатом полковника Дюваль и грязная пластмассовая воронка.

Не понял... он собирается сыпануть дурь в вино и угостить Ивана Фёдоровича с Жераром?

– Мяу!

Официант вздрогнул, но увидев, что это всего лишь я пролез под дверь, заговорщицки подмигнул:

– Вот так-то вот, месье кот. Работы на пять минут, а двести рублей в кармане. Два столика, месье кот, на дороге не валяются и лишними не бывают.

Он ещё и издевается? Ах ты, собака...

Дальнейшие события были лучше видны со стороны. На вопль ужаса, раздавшийся из туалета, Шрёдингер и Дюваль отреагировали одинаково – академик опрокинул столик и ушёл вправо, успев выхватить из наплечной кобуры пистолет, а полковник перекатился влево и замер, направив в сторону предполагаемой угрозы сразу два ствола. Вопль повторился вновь, но в нём появились незнакомые француз, но хорошо известные Ивану Фёдоровичу нотки.

– Ваську мучают! – он отшвырнул валяющийся стул и бросился к сортиру, откуда доносился шум ожесточённой драки.

Жерар, подстраховывающий товарища со спины, взял на прицел вход в кабачок. Шрёдингер сшиб с ног не вовремя выскочившего из-за стойки бармена, пинком открыл дверь в туалет... В обратную сторону и вместе с косяком.

– Мяу!

Василий рыжей смазанной молнией вылетел из-под рухнувшей на кафель полки, сделал мёртвую петлю под потолком, а потом спикировал официанту на загривок. Весу в Ваське килограммов восемь, так что его противник согнулся от неожиданно свалившейся тяжести и с размаху треснулся расцарапанным в кровь лицом о раковину. Белый фаянс тут же украсился яркими алыми капельками.

– Моего кота обижать? – Шрёдингер ухватил гарсона за шкуру, заставив Василия отпустить полуоткушенное ухо и перелететь на подоконник, развернул к себе и впечатал жертву в раковину ещё раз.

Появившийся следом Дюваль с интересом осмотрелся:

– Ну и что здесь происходит?

– Да вот, – академик отшвырнул официанта, отчего тот упал в пахнущую вином лужу. – Этот придурок напал на моего Ваську.

– Интересно, – полковник потрогал гарсона носком начищенного до блеска ботинка. – Если судить по результату, то всё произошло с точностью до наоборот.

– Смеёшься? Это же не тигр и не ягуар – домашние коты на людей не бросаются. Ясно видно – Василий защищался.

Дюваль почесал переносицу стволom «стечкина» и согласился:

– Ты прав, Ваня. Ты целиком и полностью прав, но нам нужно срочно отсюда сваливать.

– Зачем?

– Милиция не станет разбираться в причинах получения этим юношей в рыло, а его виновность мы не докажем.

– Должны же быть камеры видеонаблюдения.

– Ага, должны... только они не работают. Собственно, именно потому я и хожу сюда.

Как станешь отмазываться?

Шрёдингер хмыкнул, и перед носом у Дюваля оказалось раскрытое удостоверение.

– Вопросы будут?

Как раз у Жерара были не только вопросы, но и ответы. Он вообще плохо относился к парижской милиции – ту набирали преимущественно из отчисленных за неуспеваемость студентов, изгнанных из институтов, но не прошедших конкурсный отбор в армию. Менты (или ажаны, если по-старому) отвечали полковнику взаимностью. Да и ко всем остальным отставникам испытывали острое чувство мстительной зависти.

Академик выслушал аргументы товарища с нескрываемым удивлением:

– На самом деле так? Нет, я подозревал, что в европейских губерниях творится чёрт знает что, но надеялся на лучшее.

Дюваль недобро усмехнулся:

– Ваня, вы там в центральной России совсем оторвались от жизни и перестали ловить мышей. Или Владимир Владимирович думает, будто включение Франции в состав Земной Федерации автоматически делает местных жителей российскими патриотами?

Шрёдингер посмотрел на гарсона, начинающего подавать признаки жизни, и согласился:

– Этот точно не патриот! Но ведь коренных французов осталось не более десяти процентов, так?

– Так, – кивнул Дюваль. – Но ты вспомни, кем заселяли пустующие территории?

Полковник прав – после победы над лихорадкой и референдума о присоединении к Земной Федерации во Францию стали принудительно-добровольно выселять жителей Царьградского автономного округа и население прибалтийских районов Белоруссии. Само собой, расселяли мелкими группами и в разных местах, но передвижение по губернии ограничили только на первые двадцать лет.

– Местечковость и землячество расцвели буйным цветом?

– И круговая порука в том числе. Знаешь, Ваня, иногда просто хочется взять в руки автомат, зайти в ближайший участок и полоснуть от души по белоглазым чухонским мордам.

– Однако...

– Вот так-то вот! Ну что, сматываемся?

За что я больше всего уважаю своего академика, так это за жёсткость действий и скорость принятия решений. Да ещё непоколебимую уверенность в том, что любой человек, обижающий котов, – враг по умолчанию. А как приятно было видеть его одухотворённую предвкушением битвы физиономию! Только вот какой-то противник хлипкий нам попался – после единственного удара лежит в луже пролитого муската и прикидывается ветошью. Оно и правильно, целее будет.

Но есть в людях один существенный недостаток. Болтливостью называется. Вместо того чтобы намотать официанту-отравителю хвост на раскалённую кочергу и поговорить по душам, Шрёдингер с Дювалем пустились в пространные обсуждения демографической ситуации во Французской губернии. К собакам демографию! Зачем трепать языком попусту, если нужно срочно проводить допрос?

Пытаюсь объяснить, но меня не слышат. Хочу показать разбитые бутылки и рассыпавшуюся по туалетной кабинке дурь, но это воспринимается как последствия стресса, и кроме успокаивающих поглаживаний по голове ничего не добиваюсь.

Откройте глаза, слепцы! Это вас хотели накачать гашишем! Эх... бесполезно объяснять. Проще свалить отсюда. Ну что, делаем ноги, люди?

Глава пятая, повествующая о нелёгком труде провинциальных стражей правопорядка

Из кабачка мы ушли без проблем, но вот дальше... Полковник Дюваль как в воду глядел, предупреждая о собачьей натуре парижской милиции, и целый десяток ажанов встретил нас прямо на парковке. Неужели эти кретины не разглядели номера на правительственном лимузине? Или здесь, в захолустье и глубокой заднице Земной Федерации, вообще не подозревают о существовании таковых?

Как бы то ни было, но на лице старшего из ментов не отражалось ни тени сомнения в собственной правоте. Вот охотничий азарт и предвкушение получения крупной суммы читались явно. Мы, коты, хорошо разбираемся в человеческих эмоциях. Не телепаты, но близко к тому.

– Предъявитэ доккуменнты! – с характерным акцентом выходца с южного берега Финского залива потребовал ажан, а остальные его братья по разуму перекрыли нам пути отступления.

На мой взгляд, довольно непрофессионально перекрыли. При желании Фёдорыч с Жераром положат весь десяток секунд за пятнадцать, а при большом желании и того быстрее. Нет, ну кто же так бездарно устраивает наезды?

– А в чём, собственно, дело? – почти миролюбиво спросил академик. – У вас что, сканеры не могут считать электронные паспорта с наших коммуникаторов?

Ажан нисколько не смутился и заявил:

– Они поддельные!

– Сканеры?

– Нет, ваши паспорта!

Шрёдингер осторожно и аккуратно, не делая резких движений, достал из кармана заветное удостоверение, подписанное самим президентом Земной Федерации:

– Это тоже подделка?

– Да! – обрадовался ажан. – В нашей инструкции такие документы не упоминаются, значит, их не существует. Вы арестованы по подозрению в употреблении наркотиков и изготовлении фальшивых удостоверений личности. Попрошу проследовать в отделение, граждане!

К большому моему сожалению, ни Иван Фёдорович, ни Жерар не стали возражать, хотя даже формально их задержание было произведено с грубейшими нарушениями. Какой, к псам, арест? Где ордер, где санкция прокурора? Я, между прочим, уголовно-процессуальный кодекс читал внимательно.

Да, жалко... а так хотелось посмотреть на приличный мордобой в исполнении профессионалов. Вот, помнится, академик на международной научной конференции в Куала-Лумпуре поспорил с профессором из Южно-Африканской республики...

– Оружие, наркотики, иные запрещённые предметы и вещества имеются?

– Нет, – ответил Шрёдингер, прямо и честно глядя ажану в глаза. – Запрещённых нет.

– А у вас? – милиционер адресовал вопрос полковнику Дювалю.

– И у меня нет.

Вот тут Жерар врёт. У него разрешение только на пистолеты и холодное оружие, а светошумовые гранаты в пенсионное удостоверение не вписаны. Ни в бумажное, ни в электронное, самостоятельно подающее сигнал на милицейский сканер. Кстати, а почему он выключен? Хотя и так ясно.

– В машину! – скомандовал ажан, махнув рукой в сторону гостеприимно распахнувшего двери «лунохода».

Древняя машина на колёсах и работающая на бензине... глухомань и отсталая провинция! Впрочем, такое явление, как автомобильные пробки, можно увидеть лишь в историче-

ских фильмах, и раритетное средство передвижения вполне справляется с возложенными на неё немудрёными обязанностями. Только внутри тесно, грязно и почему-то воняет собаками.

Академик пригладил вздыбившуюся на моём загривке шерсть:

– Спокойно, Василий, граждане милиционеры устроят нам небольшую экскурсию по парижским достопримечательностям. А потом извинятся и доставят обратно.

Ага, сейчас! Скорее всего, с точки зрения Ивана Фёдоровича, всё это выглядит пошлой попыткой местных ментов быстро срубить бабла на приезжих лохах. В принципе, так оно и есть, но мне ситуация кажется более серьёзной и опасной. Академик надеется утратить борзых ажанов своими широчайшими полномочиями, но он не знает про дурь в бутылках с мускатом. Эти ушлёпки, правда, тоже не догадываются о постигшем гарсона-отравителя несчастье.

– Не торопись, Жора, – шепнул Иван Фёдорович полковнику. – Разберёмся на месте и будем действовать по обстоятельствам.

Тот молча кивнул и закрыл глаза. Заснул, что ли? Хвост даю на отсечение – точно заснул! Вот это нервы у человека. Я так не умею, потому что от волнения становлюсь раздражительным и агрессивным. Не иначе научные опыты испортили характер. А не впиться ли когтями в мотню ближайшему ажану? Уж больно удобно уселся, широко раздвинув ноги...

Пока примеривался и прицеливался, старинный рыдван остановился, чихнул пару раз прогоревшим глушителем и заглох. Всё, приехали? Загремела отпираемая снаружи дверка:

– Выходиттэ, пожалустта!

Вежливый какой, мать его болонка... И куда же нас привезли? Я спрыгнул с колен академика, первым покинул машину и огляделся. Ага, улица имени Полины Елисеевой, на что как бы явно намекает закрепленная на стене табличка. Это, если правильно помню, первый начальник департамента здравоохранения Французской губернии после присоединения к Федерации? Значит, в больницу привезли, анализ крови на наркоту будут делать.

Вот это и называется грамотным подходом к вымогательству. Установка комплексного анализа в любом медицинском учреждении напрямую связана с искусственным интеллектом Центрального Статистического Управления в Москве, и результаты обследования попадают туда в режиме реального времени. Скрыть их как-либо или банально подменить попросту невозможно!

И что из этого следует? А из этого следует, что сейчас Ивана Фёдоровича и полковника Дюваля начнут раскручивать на бабосы, угрожая при отказе отправить на процедуры. Всё серьёзно, как у взрослых...

Ну да, за употребление наркоты и министры вылетали из кресел в направлении лунных рудников быстрее собственного визга. А первые десять лет после образования Земной Федерации вообще давали пожизненное, невзирая на прошлые заслуги. Тогда боялись возвращения лихорадки, а вирус, как известно, склонен к мутациям в ослабленных излишествами организмах.

Сопровождаемые вооружённым конвоем из десятка ажанов, мы прошли по больничному коридору и после короткой команды остановились у кабинета с табличкой «Главврач Нечипайло Сяопин Жюльенович».

– Заходиттэ оба!

Кажется, я угадал, и мне доведётся впервые в жизни поприсутствовать при настоящем шантаже. Раньше познания были исключительно теоретические – угроза испортить тапочки из-за не вовремя поданного обеда шантажом не считается, а тут вживую увижу. Интересно же, пёс побери!

А в кабинете нас ждал сюрприз. Из-за стола поднялся самый настоящий китаец в выглядывающей из-под белого халата вышиванке и церемонно поклонился входящим:

– Добрый день, уважаемые господа.

По-русски говорит без всякого акцента, будто и не китаец вовсе, а бурят или калмык. Но от меня-то национальность не скроешь, я сразу вижу гастрономический интерес к моей скромной персоне.

– Вряд ли сегодняшний день можно назвать добрым, – ответил Шрёдингер, отказавшись присесть в предложенное любезным хозяином кресло. – А вот для кого, мы ещё увидим.

Китаец рассмеялся, оценив шутку, и выгнал конвой за дверь, оставив только старшего из ажанов. Тот надулся от осознания собственной важности и принялся играть коротким автоматом, поочерёдно наставляя его то на академика, то на полковника Дюваля. Если сейчас ещё скажет классическое «пиф-паф»...

– Я пригласил вас сюда... да-да, именно пригласил... чтобы сделать предложение, от которого невозможно отказаться. И попрошу не трогать коммуникаторы, всё равно генераторы помех не позволят отправить сигнал тревоги или записать разговор.

Академик оставил в покое браслет на запястье:

– И не собирался ничего такого делать.

– Вот и прекрасно! – засиял улыбкой китаец. – Люблю разумных людей. Кстати, ваша разумность позволяет осознать безвыходность ситуации?

– Поясните.

– Анализы покажут наркотики в крови... А они там есть, не сомневайтесь! Представляете перспективы?

– А вы, разумеется, предложите альтернативу?

– Совершенно верно.

– Нужны деньги? Сколько? На какой счёт переводить?

– Как не стыдно, – поморщился китаец. – Неужели я похож на вымогателя?

– Вообще-то очень похож, – фыркнул полковник Дюваль.

– Это к делу не относится!

– Тогда что? – прищурился Шрёдингер.

– Информация, дорогой мой академик, всего лишь информация. Поднебесную Империю интересуют ваши внепространственные двигатели. Согласитесь, что некрасиво скрывать от союзников важные открытия, способные осчастливить всё человечество без исключения. Некрасиво, да!

– Но и это лишь первая часть требований, так?

– Ну конечно же, господин академик! Ещё мы просим включить в состав экспедиции к альфе Песца...

– Где-то завёлся дятел, – вполголоса пробормотал Шрёдингер.

Китайца реплика Ивана Фёдоровича привела в восторг:

– Разведка Поднебесной всегда была лучшей в мире! Так вот, возьмёте в экспедицию наших учёных и военных. Немного, человек десять одних, и три-четыре сотни других. Не беспокойтесь, они все европейского происхождения, и вам не придётся проявлять чудеса изворотливости. Документы, само собой, тоже будут в полном порядке.

– А звездолёт, значит, у меня резиновый?

Ещё одна лучезарная улыбка:

– По проекту, насколько нам известно, предусмотрено размещение до батальона тяжёлой пехоты со средствами усиления. И это не считая экипажа и исследователей. Так что этим батальоном и станут бойцы Императорской армии. Ну, вы поняли?

Мама-кошка, и как только харя у него не треснет! Это уже не шантаж и не наезд, это вообще пёс знает что получается!

– Замечательно, – кивнул Шрёдингер. – Но что я буду иметь взамен?

Искуситель ждал вопроса и ответил не задумываясь:

– Подданство Поднебесной, четыре института в собственность, право доступа в Запретный Город в любое время суток и двадцать миллионов юаней на счету в банке по вашему выбору. Шесть миллионов наличными могу отдать прямо сейчас, – из-под стола появился тяжёлый даже на вид чемоданчик. – Желаете пересчитать?

– Пусть полковник Дюваль пересчитает, – Шрёдингер посторонился, пропуская Жерара вперёд, и, одновременно разворачиваясь, выстрелил в лоб застывшему столбом ажану. – Жора?

Мог и не спрашивать – полковник, едва не наступив мне на хвост, срубил китайца ударом в подбородок и уже паковал бесчувственное тело.

– Всё в порядке, Ваня!

Академик зачем-то потрогал дымящийся глушитель и уточнил:

– Ты всё записал?

– Обижает! Моей технике плевать на китайские помехи.

Полковник достал из кармана простейший диктофон, выпускаемый мелкими партиями для любителей ретродевайсов. – А упоминание о деньгах я потом сотру.

Правильное решение! Целиком и полностью поддерживаю! Только бы при делёжке трофеев не позабыли про маленького рыжего котика. Люди, слышите? Мне на благое дело! Не слышат и не понимают. Эх вы, люди...

Дюваль полюбовался на упакованного пленника и посмотрел на академика:

– Ребятам сигнал давать?

Вот, так и знал, что за нами следят, – шкурой чувствовал доброжелательное внимание. Это здоровая паранойя полковника или прикрытие от министерства обороны? Судя по реакции Фёдорыча, скорее первое.

– Твои орлы, Жора, приучены зачищать всё наглухо, а нам лишние жертвы не нужны. Вполне возможно, что ажанов использовали втёмную и они не знали о шалостях начальства.

– Вряд ли, – усомнился полковник.

– Самый гуманный суд разберётся.

Дюваль молча согласился. Вообще-то милосердие к предателям не входило в число его недостатков, но в этом конкретном случае старый товарищ прав – бойцы десантно-штурмовой дивизии никак не подходят для аккуратного изъятия нежелательных элементов из городской больницы.

– А что предлагаешь ты?

– Позвоню министру обороны.

– И?

– И пусть весь этот геморрой станет его проблемой.

Мероприятие под кодовым названием «Взятие Бастилии парижскими коммунарами» длилось целую неделю, и всё это время мы просидели на конспиративной квартире местного управления КГБ. В губернии объявлен режим контртеррористической операции, все без исключения рейсы междугородного транспорта отменили, а лететь в Москву на лимузине нам категорически запретили. С одной стороны, вроде как перестраховщики, но с другой – вопрос с экспедицией слишком серьёзен, чтобы рисковать по пустякам. Заденет ещё содержимым вскрываемого фурункула...

Впрочем, Иван Фёдорович эту неделю не бездельничал, посвятив дни и большую часть ночей оживлённому торгу с китайской разведкой. Те в качестве компенсации за доставленное неудобство предложили полностью профинансировать экспедицию, но взамен требовали гарантий неприкосновенности главного китайского резидента в Париже. В том смысле, что по законам Земной Федерации ему грозило обвинение в организации преступного сообщества и пятилетний срок заключения, а китайцы за провал разведывательной сети желали публично повесить неудачника.

Шрёдингер отказался входить в положение союзников и спасти их от потери лица за предлагаемую мелочь, но проблемы в экономике Поднебесной не позволяли увеличить сумму до желаемой.

– Господин академик, – убеждал голос из коммуникатора. – Пять миллиардов рублей кажутся нам слишком высокой ценой за одного человека. За меньшие деньги мы можем повесить половину населения Пекина или Шанхая.

– Мне это не требуется, – Шрёдингер отмахнулся, будто собеседник мог видеть его жесты. – Но если вы считаете господина Сяопина Нечипайло недостойным столь крупной суммы, то я готов отдать его безвозмездно.

Мама-кошка, меня аж подбросило к потолку от возмущения! Люди, нельзя быть до такой степени филантропами! Благотворительность развращает благотворяемого! Хочешь помочь человеку? Дай ему возможность заработать пять миллиардов, но не оскорбляй халявой! Одумайся, Фёдорыч...

Вероятно, ведущий переговоры китаец тоже обалдел от щедрости академика, потому что ответил только через минуту:

– Мы не можем принять безвозмездно, это нанесёт ущерб репутации Поднебесной и может бросить тень на самого Императора.

Мама-кошка, я начинаю любить китайцев!

– А за рубль возьмёте?

– Э-э-э...

– А остальные четыре с половиной миллиарда будем считать компенсацией моему испуганному коту. Император любит котов?

Фёдорыч, нагнись, я поцелую твою гениальную лысину! Ты самый лучший академик всех времён и народов. Отец народов!

– Мы согласны, господин Шрёдингер, – послышалось из коммуникатора. – Перевод будет осуществлён в ближайший час.

– Сяопина сами заберёте?

– Вам не составит труда завезти его в посольство?

– Всенепременно, как только закончат с допросами.

– Мы не торопим, господин Шрёдингер.

Иван Фёдорович попрощался и отключился, забыв стрясти с китайцев денег на флаер-такси до посольства. Огляделся по сторонам:

– Вася, ты не видел мои тапки?

Ой, неудобно-то как получилось... А босиком, между прочим, полезнее!

Глава шестая, рассказывающая о предстартовой суете и особенностях лунных предприятий общественного питания

Мы успели всё и даже чуть больше. Успели к рекомендованному президентом Земной Федерации сроку. Остались позади бесконечные перелёты по всей планете, закончились напряжённые дни и бессонные ночи, почти позабылись безобразные скандалы из-за сорванных поставок, навсегда врезались в память лица попавших под тяжкий молот чрезвычайных полномочий... Мы справились. Сегодня экспедиция генерал-майора Шрёдингера стартует к звёздам!

Да, Ивана Фёдоровича и Жерара Дюваля восстановили в армии, а сам Владимир Владимирович торжественно пообещал подписать указ о присвоении очередных званий ровно в тот момент, когда корабль с гордым именем «Горгона Медуза» пересечёт границу Солнечной системы. Вроде бы раньше президент не бросал свои слова на ветер? Значит, скоро предстоит обмывание новых погон.

Жерар Семёнович, кстати, числится не только командиром отдельного отряда космического десанта, но и добровольно принял на себя обязанности заместителя начальника экспедиции по строевой части и воспитательной работе. Якобы для получения повышенного оклада, а на самом деле для измывательств над научным персоналом. Таковых ботаников набралось под сотню голов, и душа старого десантника болела при взгляде на впалые груди и сгорбленные спины. Следовательно, прямо-таки рвалась превратить дохлых зануд в настоящих защитников Отечества.

Единственное, чем остался недоволен Дюваль, – названием корабля. Не далее как вчера он высказал претензии Ивану Фёдоровичу в лицо:

- Ваня, разве можно давать такое название боевому кораблю?
- Это исследовательский звездолёт, – возражал Шрёдингер.
- Да? А вооружение на нём для красоты?

Но Иван Фёдорович остался непреклонен. У меня есть подозрение, что корабль назван вовсе не в честь оставленной в Балаклаве яхты, а для напоминания о родном доме вообще и о жене академика в частности. Марта Прокофьевна об этом, надеюсь, не догадывается.

А вот, кстати, и она сама. Приехала на космодром в Кубинку с дочками, чтобы проводить любимого папочку к звёздам, новому званию и повышенному окладу денежного содержания. Ходит за Иваном Фёдоровичем как привязанная, сморкается и вытирает слёзы, а в глазах чётко читаются планы покупки новой мебели и дачного участка в ближнем Подмоскowie. Предвкушение этакого финансового разврата! На любой другой вид этого увлекательного занятия у природной блондинки не хватит мозгов – образцово-показательная жена. Ну и ладно, нам же спокойнее. А деньги дело наживное, мы их ещё заработаем.

Есть, правда, у Марты Прокофьевны одно неоспоримое достоинство. Золотое качество, так сказать! Супруга академика Шрёдингера искренне и всей душой ненавидит соседскую Муську, повадившуюся гадить на клубничные грядки. Рубль за сто даю – сразу после старта «Горгоны Медузы» в охотничьем магазине будут куплены заячьи капканы, и наш уютный сад превратится в минное поле. Оно и правильно, я эту болтливую персиянку тоже терпеть не могу. Удачной охоты, мадам, и пусть вам сопутствует удача в благородном деле защиты клубничного урожая.

Десантники уже грузятся. Загнали технику в трюм, а сами занимают места в кубриках. Надо будет обязательно зайти в гости – полковник Дюваль собрал в отряд исключительно проверенных ветеранов, а они, как известно, люди запасливые. Всегда найдут доброе слово и что-нибудь вкусное для такого красавца, как я.

Кораблик у нас получился замечательный во всех отношениях. И самое главное – красивый и вместительный. Для наглядности представьте десятиподъездную девятиэтажку постройки конца прошлого века. Представили? Вот в этом домике спокойно поместилась танковая рота, два десятка БМД с антигравитационным приводом, двенадцать заатмосферных истребителей «МиГ-155», восемьсот пятнадцать тонн научного оборудования и несколько опечатанных контейнеров с грузом неизвестного назначения.

Про удобства, опять же, забывать не стоит. В сравнении с первыми звездолётами, переделанными из подводных лодок, будто небо и земля. Здесь не придётся ходить друг у друга по головам и спать в три смены. Развитие техники не стоит на месте! Благодаря работам академика Шрёдингера и его опытам на моей скромной персоне в том числе.

Вот вроде бы какое отношение имеют коты к космосу? На первый взгляд никакого, но если бы не я, то хвост бы собачий получился, а не искусственная гравитация на «Горгоне Медузе». А внепространственные двигатели? Как вспомню тот неловкий момент собственной неожиданной материализации в спальне чилийского монарха в самый пикантный момент... Да, установка тут же перебросила меня обратно, но неприятно было слышать от Ивана Фёдоровича пошлые шутки по поводу случайно зацепившихся за когти предметов женского туалета.

– Готов к подвигам, Василий? – академик, будто извиняясь за прошлые грехи, наклонился и погладил меня по голове. – У тебя, Вася, вполне героический вид.

Тут спорить не буду, выгляжу я сегодня очень даже ничего. Правда, и заслуги Шрёдингера тут нет. Даже наоборот, именно с его молчаливого попустительства Марта Прокофьевна таки повязала ненавистный голубой бантик на мою шею, и ходить бы последним трансвеститом до самого старта, если бы не своевременное вмешательство полковника Дюваля. Жерар Семёнович посчитал легкомысленное украшение грубым издевательством над уставной формой одежды и приказал заменить гадкую тряпочку армейским жетоном на цепочке. Вполне милитаристского вида штучка! Одобряю!

Но вообще, честно скажу, не такой я представлял церемонию отправления экспедиции к далёким звёздам. Ни тебе торжественности, оркестр с почётным караулом тоже отсутствуют... Будто и не в космос летим, а куда-нибудь под Архангельск за грибами. Нет осознания момента! А ведь дело затевается не только архиважное, но и архиопасное. Я даже завещание написал. Если через год не вернёмся, то оно в Сети появится. Что-то вроде вот этого:

«Люди не ошибаются, у нас на самом деле девять жизней. Восемь раз, за исключением последнего, мы не умираем насовсем. Мы уходим, чтобы не причинять горе тем, кого полюбили за долгих двенадцать-пятнадцать лет. Уходим, чтобы не видеть слёз на их глазах. Исчезаем из дома, чтобы не слышать детский плач и не чувствовать человеческое бессилие перед нашей старостью.

А потом возвращаемся вновь, сохраняя память и привычки, сохраняя привязанность и веру в вашу доброту. Мы любим вас, люди!

Не огорчайтесь потерям, ведь пройдёт совсем немного времени, и на пороге вашего дома неизвестно откуда появится крохотный пушистый комочек с наивными глазами. Или маленькая девочка в подземном переходе с молчаливой надеждой протянет вам пищащее полосатое чудо. Или на рынке совсем случайно остановитесь перед коробкой с копошащимися внутри котятами... Мы возвращаемся разными способами, но возвращаемся всегда!

Не меньшие и не младшие братья и сёстры. Равные. Вы и мы.

И нам не надо многого, только чуть-чуть тепла и ласки. И любви... но это по возможности. Её мы не требуем, потому что любим сами. Мы просто любим вас, люди!»

Нравится? В меру напыщенно, с небольшой толикой розовых соплей... Женщин сразу за душу возьмёт и на слезу пробьёт. А что, пусть вспоминают Василия Шрёдингера!

Чуть не забыл! Тапочки академика тоже завещаю! Правый пусть отдадут в академию имени Жуковского, а левый надо отправить в музей Вадима Задорожного. Для хорошего дела не жалко. И остальное бы подарил, но у меня больше ничего нет. Такой вот я кот-бессребреник.

– Летит, – Шрёдингер мельком глянул на коммуникатор, возвестивший о приближении кортежа официальных лиц, и сделал строгое лицо. – Вася, запомни, в присутствии президента Земной Федерации считается недопустимым вылизывание в труднодоступных местах, выкусывание несуществующих насекомых... метить ботинки министра финансов тоже нельзя. Ну и прочая, и прочая, и прочая... Не заставляй разочаровываться в твоей разумности.

Можно подумать, что до этого момента он был очарован. Ага, дождёшься, как же... Да скорее французский бульдог себе в зеркале понравится, чем люди признают способность мыслить хоть у кого-то, кроме себя. За исключением любой инопланетной гадости. В зелёных человечков поверят, в разумных медуз, в муравьёв с пятой планеты в системе Пипирки Кентавра...

В нас – ни за что! Судьба! Карма. Кismet.

Сначала появились заатмосферники «МиГ-155», всегда сопровождающие президента. Это скорее для понтов, чем для безопасности – на небольшой высоте истребители слишком неповоротливые. Но быстрые! Пролетят километра полтора-два и зависают в ожидании тихоходного лимузина. Нам, котам, смешно, а у людей гордости полные тапочки – смотрите, завидуйте, ни у одной страны таких нет!

Хвастуны, одним словом. Ведь и без того известно, что в современном мире никто не дотягивает до Земной Федерации практически по всем параметрам, начиная от продолжительности жизни, заканчивая балетом и производством военной техники. Китайцы по некоторым позициям наступают на пятки, так на то они и союзники, чтобы равняться на старшего брата.

Вот и стараются. Легковые флайеры у них неплохие, особенно из Ниппонской и Корейской провинций. Да, хорошие... почти как наши флаеры из Тольятти и Нижнего Новгорода, и по цене вроде как приемлемые. Если бы не техобслуживание после каждых пятидесяти тысяч километров налёта, то пользовались бы популярностью. Пока же народ предпочитает родные «тазики», которым и после трёхсот тысяч требуется лишь переустановка программы автопилота да замена системы охлаждения реактора. Копеечный вопрос при минимальных трудозатратах.

Президент, кстати, поддерживает отечественного производителя и передвигается исключительно на родных моделях. Но индивидуальной сборки. Сейчас, например, появился на антикварном «ПоршеТунгуска» выпуска две тысячи сорок седьмого года. Хорошая машина – сделана в единственном экземпляре и преподнесена Владимиру Владимировичу в подарок от благодарных жителей Центрально-Европейского федерального округа. С тех пор и ездит.

Когда-то я мечтал, чтобы академик приобрёл что-нибудь похожее. Молодой был и глупый, очень уж хотелось появиться перед коллегами в роскошном лимузине и этак небрежно упомянуть о бортовом холодильнике, забитом всевозможными вкусностями. Потом повзрослел и всем видам транспорта стал предпочитать яхту. Снобизм, говорите? Пусть будет снобизм.

Президент не стал устраивать церемонии. Видимо, устал от них за девяносто восемь лет пребывания у руля.

– У вас всё готово, Иван Фёдорович?

– Так точно, Владимир Владимирович! – Шрёдингер пожал протянутую руку и улыбнулся. – И с днём рождения вас!

– Спасибо, – кивнул президент. – А успешный старт пусть станет лучшим подарком. Погрузку, как я вижу, закончили?

А ведь так и есть. Я как-то и не заметил, что на взлётном поле остались только мы с академиком да большая толпа провожающих, потихоньку вытесняемая охраной за канаты ограждения. Вот и Марта Прокофьевна машет мокрым от слёз платочком со стоянки флаер-такси.

– Закончили, Владимир Владимирович.

– Тогда в добрый путь, товарищ без пяти минут генерал-лейтенант. И коту вашему удачи. Правильно, товарищ Василий?

До чего же, пёс побери, приятно. Не ожидал такого внимания от человека, чья карма испорчена многолетним воспитанием лабрадоров. Исправляется? Мы, коты, вообще положительно влияем на людей! На всех без исключения. Даже на президентов!

Современные космические корабли не нуждаются в огромных космодромах и не уносятся в небо, изрыгая огонь. Устрашающего рёва тоже нет. Просто включается антигравитационная установка, и громадина звездолёта взмывает к небесам без шума и пыли с любой, даже не подготовленной заранее площадки. Хоть с болота, хоть с пустыни, хоть с самой вершины Эльбруса.

И уже потом, за пределами атмосферы, можно идти на привычных движках холодного синтеза. Но недалеко, всего лишь до Луны, где корабль ждут на «космической бензоколонке». Там заправят под завязку, установят батареи на тяжёлые бортовые дезинтеграторы, пожелают традиционные семь футов под килем и попросят оставить автограф на стене главного лунного кабака «Незнайка».

Всё, кроме подписи, можно бы сделать и на Земле, но после аварии китайского «Улыбающегося дракона» это запрещено. Представьте последствия взрыва двухсот мегатонн в густонаселённой местности? Представили? Вот... а Луну не так жалко. Да и живут здесь под поверхностью, появляясь снаружи только в случае необходимости. Вот как сейчас.

– Товарищ генерал-майор, согласно инструкции на корабле во время заправки должны присутствовать лишь двигателисты и операторы систем вооружения, – человек в скафандре с логотипом «Космо-Лукойл» на груди был первым, кто поприветствовал нас в рукаве-переходе, протянувшимся от базы до «Горгоны Медузы». – Для личного состава экспедиции приготовлены комфортабельные номера в гостинице «Циолковский».

– Спасибо за заботу, – кивнул Шрёдингер. – Требование инструкции нам известно, но хотелось бы, чтоб заправка прошла максимально быстро. Это возможно?

Служащий бензоколонки развёл руками:

– Мы и так задействуем все мощности в ущерб грузовикам с Марса и пояса астероидов, товарищ генерал-майор. Меньше двадцати часов никак не получится.

– Досадно.

– Гостеприимство «Незнайки» скрасит тяготы ожидания!

Ага, скрасит. Наслышан я про это гостеприимство немало. Мама-кошка, да тот вертеп даст сто очков вперёд любой курильне опиума где-нибудь в Шанхае конца девятнадцатого века. Ну почему люди так тупы, что в качестве образца для подражания выбрали космический салун из старинных голливудских фильмов? Со всем антуражем, разумеется, включая обязательные драки с пиратами. И пофиг, что тех играют студенты театральных училищ и актёры провинциальных театров в соответствующем гриме – носы сворачиваются самым натуральным образом, и зубы разлетаются отнюдь не бутафорские. И куда только КГБ смотрит?

Хотя примерно представляю, куда смотрит комитет. В «Незнайку» прилетают любители пощекотать нервы со всего мира, и ни одна специальная служба не откажется от возможности половить рыбку в мутной воде. Каким образом? Мне не докладывают и передо мной никто не отчитывается. Но способы и методы есть, хвост даю на отсечение. А директор кабака – минимум полковничьи погоны в сейфе хранит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Эту книгу можно взять в библиотеке

микрорайона Текстильщик

(г. Королёв, ул. Тарасовская 9)